

Гай Юлий Орловский

Фич@рд

Длинные Руки —
виконт

Истинно благородные рыцари идут
в крестовые походы, остальные
предпочитают блистать на турнирах.
Слава турнирного бойца всегда
сияла неизмеримо ярче подвигов
защитников Отечества. На турнирах
можно обрести имя, богатство,
невест из высших сфер, получить
места ближе к трону.
Однако сэру Ричарду по арке
извиня победа и лично
большая выгода.

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – виконт

«ЭКСМО»

2005

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – виконт / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2005 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 5-699-10881-5

Истинно благородные рыцари идут в крестовые походы, остальные предпочитают блистать на турнирах. Слава турнирного бойца всегда сияла неизмеримо ярче подвигов защитников Отечества. На турнирах можно обрести имя, богатство, невест из высших сфер, получить места ближе к трону. Однако сэру Ричарду позарез нужна победа именно в большом Каталаунском турнире. Не ради ценного приза.

ISBN 5-699-10881-5

© Орловский Г. Ю., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	51
Глава 11	56
Глава 12	61
Глава 13	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – виконт

Часть I

Глава 1

Зайчик взглянул в упор оранжевыми глазами, теперь оранжевыми, что постепенно переходят в коричневый, обычный для всех коней. Совсем недавно это были глаза адского зверя, в глазницах бушевало багровое пламя. Я обнял его за голову, поцеловал в замшевый нос.

Против обыкновения он не отстранился, брезгливо фыркая. В умных глазах тревога и настороженность, обнюхал меня, как собака, очень – тихо ржанул. Я погладил по шее, чувствуя под пальцами нежнейший шелк густой и длинной гривы. Боевые рыцарские кони, что достигают десяти, а то и больше ладоней в холке и весят по две тысячи фунтов, выглядят гигантами рядом с крестьянскими лошадками. Но мой Зайчик и среди них как гусь среди уток. У самых могучих из рыцарских коней толстые кости и могучие мышцы, они могут дать в галопе до сорока километров в час... правда, всего на несколько мгновений, которые так важны для решающего удара. А вот скорость моего Зайчика так и не знаю: при сильной скачке разогревается, как кусок металла в горящем горне. На мне вспыхнет одежда раньше, чем узнаю предел, не говоря уже о том, что сам превращусь в кусок плохо зажаренного мяса.

– Уже скоро, – пообещал я, – сегодня же увидим Каталаун!..

Оранжевость в его крупных глазах сменилась багровостью, а та опасно быстро перешла в пурпурное пламя, словно на затухающие угли костра дохнуло свежим ветром.

Как хорошо, когда не надо управлять конем. Зайчик всегда знает, куда я еду, куда хочу свернуть, когда надо идти галопом, а когда следует перейти на шаг или остановиться вовсе. Сейчас, когда мы с ним столько отмерили миль, я начинаю думать, что сдружился он только со мной. Прежнему хозяину он просто служил, потому что создан для того, чтобы на нем ездили, чтобы носить всадника и перевозить на себе тяжести.

Но ко мне прибегает на свист веселый и ликующий. Знает, что обязательно обниму и поцелую, почешу между ушами, а потом он понесет меня на спине, гордясь таким великолепным всадником. Возможно, в моем предшественнике слишком много от нечеловека, а единорога создавали именно для человека. Не знаю, но готов душу о пень, что Зайчик привязался ко мне больше, чем просто к хозяину.

Мул Кадфаэля тащится шагах в двадцати, сам монах углубился в книгу, как только читает при такой тряске...

Я оглянулся, уточнил Зайчику:

– Сегодня же заночуем в Каталауне... может быть.

Он фыркнул, покосился огненным глазом и снова фыркнул, обещая затоптать любого, кто выступит против нас на турнире. Дорога, опасливо поглядывая на темный мрачный лес, бежит в сторонке по выжженной солнцем рыжей земле. Небо плавится от дикой жары, горячие капли срываются с хрустального свода и больно бьют по голове, плечам, спине. Я уж совсем собрался свернуть к деревьям, но дорога обреченно вздохнула и, выбрав щель пошире в темной, застывшей в пугающем молчании стене, сама бросилась торопливо напрямик.

Мы старались не проезжать слишком близко к огромным стволам. Такие великаны обычно покрыты толстым слоем мха, на ветвях переговариваются птицы, которых даже я назвал бы странными, хотя в пернатости не силен. Однако птицы не должны хамелеонить, то

и дело меняя окраску. У них перья должны быть как на спине, так и везде, а чешуя только на лапах, как напоминание о ящеричном происхождении. Эти же похожи на аквариумных рыбок, чешуйки так и сверкают, зато пение больше похоже на царапанье ножом по оконному стеклу.

Мой конь и мул брата Кадфаэля резво стучат копытами, деревья мрачные, но, и к счастью, стоят редко. На темные поляны изредка падает солнечный свет, заставляя прятаться под коряги гигантских многоножек, ухверток размером с крысу и болотных клопов размером с ладонь, что приспособились жить вот так, под камнями и гниющими деревьями во влажном лесу.

В приземистых мрачных дубах зияют темные дупла. Как будто порода такая: дубы все низкорослые, зато поперек себя шире, а в стволах обязательные дупла. Оттуда, из темноты, либо огромные желтые глаза, что следят с лютой злобой, либо в пустых недрах дерева трепещет странный свет, словно светлячки освоили электросварку.

Темный мох, облепляющий стволы, как будто чувствует наше приближение: начинает торопливо перемещаться по дереву. Особенно заметно, когда тропка проскакивает между двумя такими лесными великанами: на одном мох скапливается с южной стороны, на другом – с северной, даже наползает складками, бугрится, и все для того, чтобы дотянуться до коня или всадника.

Пес вздумал взять на себя снабжение нашего маленького отряда свежим мясом, таскает оленей, кабанов, гусей. Пару раз принес огромных трепыхающихся рыбин, хотя не видно вблизи ни ручья, ни реки, потом он начал приносить их все чаще, понравилось чувствовать себя водоплавающим монстром. Я всякий раз посматривал на брата Кадфаэля, но монах молчит, еще не знает, что когда-то начнут беречь природу и фауну. А если молчит религия, то мне тем более важнее потренировать собачку, чем беречь эту сраную природу.

В дальних кустах словно бы вспорхнула мелкая птишка. Я не успел шевельнуться, на шаг впереди с глухим стуком вонзилась в дерево стрела. Я инстинктивно ухватил за тонкое древко, выдернул.

– Разбойники? – вскрикнул сзади брат Кадфаэль с детским испугом.

– А кто теперь не разбойник, – ответил я.

Кадфаэль пригнулся и торопливо оглянулся по сторонам, я стрелу отбросил, цапнул лук Арианта. Зелень колышется, как причудливый занавес, брат Кадфаэль крикнул торопливо:

– Лучше не останавливаться, брат паладин!

– А что, – поинтересовался я, – насчет правой щеки? Вот-вот, если по правой, подставь левую... а сам либо в печень, либо... в другое место. Главное – посильнее.

Шагах в тридцати сквозь зелень проступила красноватым цветом согнувшаяся человеческая фигура. Мерзавец выбрал неплохое место: за спиной почти чаща, если обнаружат, успеет за буреломы.

Я прицелился, человек из-за листьев наблюдает, абсолютно уверенный, что незрим. Перед ним три стрелы воткнуты в землю, лук в руках, одна стрела уже на тетиве. Брат Кадфаэль покачал головой, но я вскинул лук. Щелкнуло, стрела исчезла, я продолжал держать глазами фигурку человека за листьями.

Еще два дерева проплыли мимо, на миг закрыв цель, я убрал лук, брат Кадфаэль поерзал в седле.

– И... что?

– Милосердие милосердием, – ответил я, – но как насчет карающей руки правосудия? Когда найдут со стрелой в груди, кто-то из лесных робингуудов усомнится в доходности ремесла.

Брат Кадфаэль смотрел широко распахнутыми глазами.

– Брат паладин... ты рассмотрел?

– Да вот, – ответил я скромно, – сумел.

– Через такие кусты?

– Брат Кадфаэль, – ответил я серьезно, – разве мы не сделали немалую... ну пусть не самую-самую, но все-таки услугу святой Церкви? А она, как я уже понял, не любит оставаться должной! Так что прислушайся к своим внутренностям. Ты уничтожил злейшего врага церкви, нечестивого колдуна, забыл? Благодаря тебе еще один клочок земли, отвоеванный у нечисти, отныне принадлежит христианскому воинству.

Он посерьезнел, лицо застыло, по нему бегут ажурные тени редких ветвей. Кажется, что это деревья двигаются нам навстречу, расступаются, а затем то ли смыкаются за нашими спинами, то ли вообще исчезают, как, говорят, бывает в некоторых зачарованных лесах.

Мы пока что двигаемся по проселочной дороге, которая здесь не просто проселочная, а *vois*, так как ширина ее пятнадцать футов, от нее отходят тропинки, *sentier*, в три фута шириной, и тропки, эти уже восемь футов. Встреченные крестьяне объяснили, что когда выйдем на дорогу, т.е., *chemins*, шириной в тридцать два фута, то она и приведет прямо к Каталауну, ибо такие вот *chemins* прокладывают только между большими городами.

Существуют, правда, еще и королевские тракты, *chemins royaux*, в пятьдесят четыре фута шириной. По ним, говорят, можно передвигаться действительно с большой скоростью целыми отрядами. Эти дороги проложены поверх древних римских дорог. Ну да ладно с дорогами, сейчас все они ведут на турнир, большой турнир в Каталауне. Можно сказать, грандиозный.

Вообще-то турниры – это не что-то особенное, проводятся примерно раз в две недели. То есть везде по королевству гремят турниры, но в большинстве своем это, так сказать, местного значения. А есть такие, на которые съезжаются знатные рыцари и герои даже из дальних королевств.

Правда, даже эти грандиозные турниры ничего не стоят учредителям, так что их могут проводить хоть каждую неделю. Для турниров не надо строить специальные сооружения, как Колизей в Риме, достаточно ровного поля. Нет каких-либо призов, за исключением редчайших случаев. А призы рыцари захватывают сами. Еще, помню, юный Сигизмунд рассказывал с придыханием в голосе, что один прославленный турнирный боец только за один сезон взял в плен сто три рыцаря, за которых получил в качестве выкупа баснословные богатства. Разве это не дороже любого золотого кубка или олимпийской медали?

Даже размещением прибывших устроитель не занимается, об этом заботятся сами жители. Известно, что хозяева гостиниц, постоялых дворов и вообще все торговцы мгновенно взвинчивают цены, а отцы городов платят огромные суммы, только бы турниры высшего класса проводились у них, ну как теперь при выборе места для олимпиад. А все местные жители ждут такие турниры со страхом и восторгом.

Словом, турнир по средствам даже самым бедным рыцарям, нужно только иметь коня и вооружение. Впрочем, особо бедные могут взять напрокат, торговцы охотно дают в долг под огромные проценты. Так что не случайно встречаю то одного, то другого, а то и целые группы, что направляются в Каталаун.

Кусты затрещали, Пес вымахнул, раздвинув их, как стебли травы, в пасти – здоровенный олень, это же какие шейные мускулы надо иметь, чтобы вот так нести, я крикнул строго:

– Раскормить нас жаждешь?

Кадфаэль тут же заступился:

– Старается собачка. Она у тебя добрая, брат паладин.

– А потом трусцой от инфаркта?

Кадфаэль не понял, да особо и не допытывается, я тоже не все понимаю из его речей. Пес посмотрел на меня с укором и положил оленя перед мулом Кадфаэля. Тот слез и взгромоздил тушу на круп своего мула, а я снова вернулся к мыслям о турнире. Первые турниры мало отличались от настоящих боев на полях сражений. Сходились две равные по численности армии, первую возглавлял один лорд, другую – другой. Кроме рыцарей принимали участие и

пешие воины: копейщики, лучники, ратники. Эти либо атаковали сбитых с коней рыцарей, либо подрезали подпруги и стремяна.

Не было отличия и в целях: в турнире главное, как и в реальном бою, захват пленных, их коней и доспехов. На таких турнирах погибало столько же, как и в настоящих боях, то есть мало. С мертвого ничего не возьмешь, а за живого родня заплатит выкуп. Потому всегда стремились захватить в плен. Для этого нападали на одного втроем-вчетвером, а самые хитрые выжидали в сторонке, чтобы вломиться на поле боя в момент, когда все едва дышат от усталости, и побыстрее нахватать пленных.

Помню по школьной программе, папа Инносент Второй запретил турниры на Клермонтском Соборе в 1130 году. Потом другие папы этот запрет повторяли и повторяли, даже отлучали от церкви вовсе. И так на протяжении двух-трех веков, пока эти кровавые бои постигла та же участь, что и хоккей: мой дед перестал смотреть матчи, когда игроки стали носить шлемы и защитные маски, а старые рыцари презирали и перестали посещать турниры, когда ввели запреты на добивающие удары, когда стали разрешать драться только тупыми мечами и тупыми концами копий.

Понятно, что рыцарские турниры начинались как жестокие и кровавые схватки феодалов. В этих схватках зачастую решалось, кому быть паханом. Церковь категорически запрещала любые турниры. Более того, церковным декретом запрещено отпевать убитых на турнирах, их нельзя хоронить на общих кладбищах наряду с христианами, а надлежит закапывать только за оградой, где обычно хоронят ворье, самоубийц и клятвопреступников. Так что те места, которые издавна отводятся для епископа или архиепископа, и на этот раз либо останутся пустыми, либо их займет кто-либо из знати, не убоившийся гнева церкви.

Однако, если не ошибаюсь, уже открытие Бельведера в Ватикане было отмечено грандиознейшим турниром, Италия таких еще не видела. А это значит две вещи: во-первых, рыцарские турниры из кровавых схваток превратились в красочные спектакли, где десятки строгих правил регламентировали бои и не допускали смертельного исхода. А во-вторых, церковь уже смирилась с этими турнирами, потребовав лишь строжайшего соблюдения правил о недопущении смерти и увечья.

Моя беда в том, что сейчас как раз тот переходный период, когда турниры уже начинают обставляться как грандиозные зрелища, однако все еще сохраняют всю жестокость и грубость прошлых веков.

Огромная ящерица, размером с нильского крокодила, вынырнула из зарослей чахлой травы, вытянутая зубастая пасть с легкостью ухватила пробегающего мимо зайца. Я невольно опустил ладонь на рукоять молота. Ящерица проследила за моим движением, очертания ее тела вдруг стали зыбкими, нечеткими, она с непостижимой скоростью начала опускаться в землю.

Брат Кадфаэль вскрикнул, перекрестился и торопливо забормотал молитву.

– Отродье дьявола!

– Да нет, – вырвалось у меня, – это такая порода... Вот только...

– Что? – спросил он.

– В землях моего королевства, – ответил я туманно, – их множество. Все вот так же закапываются, если пугнуть. Но... там песок! А ящерицы длиной в ладонь. И не толще пальца.

Мой конь остановился над тем местом, куда закопалась ящерица. В продолговатую яму все еще сыплются комья, я пытался проследить взглядом, куда ушел этот могучий вибрационный снаряд. Вряд ли прямо под нами, наверняка уже сдвинулась вправо или влево на десяток шагов. Сожрет зайца под землей или для трапезы выберется на свет божий?

Кадфаэль время от времени осенял крестным знамением окрестности.

– Я видал хищных рыб, – сообщил я, – что прячутся на дне моря, зарывшись в песок... А когда подплывает глупая рыба, то – бросок, и дура в пасти!

– То в песок, – возразил он, – да еще на морском дне. Нет, это животное создано дьяволом! Какая ящерица может вот так в твердую землю, как в воду?

– Согласен, – сказал я. – Разве что... магия? Скажи, брат Кадфаэль, а может ли животное пользоваться магией?

Он пугливо перекрестился.

– Как можно?

– А почему нет? Чтобы убегать и прятаться, звери какие только уловки не придумывают! Допустим, какой-то зверь, что не может догонять, придумал подманывать, прикидываясь кому зайчиком, кому пучком сочной травы, кому вообще...

Он подумал, сказал нерешительно:

– Вообще я слышал в детстве что-то о хамелеоне, что прикидывался даже прекрасной девой... А когда рыцарь бросался к нему, то хамелеон пожирал его. Мошь его настолько велика, что несчастная жертва даже не понимала, что ее пожирают...

Я задумался, в черепе вертится что-то знакомое, как будто тоже что-то подобное слышал, но вспомнить не мог, сказал в утешение:

– Хорошие вещи все еще спрятаны в темноте.

– И плохие тоже, – заметил Кадфаэль мудро. – Не стоит рисковать, раскапывая чужое. Благороднее создавать свое.

Его мул и мой конь идут рядом, иногда как будто переговариваются на своем языке. Утратив рог, мой адский жеребец уже ничем с виду не отличается от крупного боевого коня. Правда, осталась отметина, повторяющая очертания основания рога, но у многих коней на лбу всякого рода звездочки, это просто украшения, так что у меня конь – просто конь, а вовсе не порождение колдовства прошлых эпох, добытое в схватке с чудовищным колдуном. А кроваво-красные глаза, похожие на разгорающиеся под ветерком горящие угли, как я уже сказал, все больше теряют пурпур. То ли благотворное воздействие света и солнца, ведь раньше это чудовище носилось по адским дорогам, то ли влияние моего ангельского характера...

Грозный Пес, нагонявший ужас на крестьян многих деревень, сейчас бездумно и беззаботно носится над землей, как низко летящая гигантская ласточка над прудом, ныряет в кусты, надолго исчезает, выскакивает с перемазанной яичным желтком мордой, спешно облизывается. Встретив человека и признав его Хозяином, тут же переложил на меня, как на вожака стаи, все заботы и планирование дальнейшей жизни, а сам превратился чуть ли не в щенка: огромного, беззаботного, гонящегося даже за бабочками.

Мои рыцарские доспехи в седельном мешке за спиной, так что выгляжу так, как и стремлюсь: сын одного из настолько бедных рыцарей, что не сумел дать в дорогу ничего своему чаду, кроме коня, меча и потрепанной одежды.

Глава 2

Западная половина неба наливалась алым, быстро бегущие облака притормозили, а потом и вовсе застыли, поджариваясь снизу. Я посматривал на закат, Кадфаэль вздохнул, сказал кротко:

– Не успеваем.

– Первый раз ночуем в поле?

– В Каталауне братство бенедиктинцев, – сообщил Кадфаэль застенчиво. – Мне очень хочется узнать, как они продвинулись в толковании Послания Павла к карфагенянам.

Брат Кадфаэль намеревался разложить огонь на открытом месте, но я воспротивился, выбрал место в небольшой роще, в пологой низине, чтобы не только деревья, но и земля укрывала пламя. Увы, здесь каждый встречный может оказаться врагом. Не обязательно разбойником-профи, а просто человеком, который сочтет тебя слабее, а это уже повод, чтобы ограбить, поиздеваться, а то и убить. Только в тоталитарных империях невинная девушка может в одиночку пересечь всю страну из конца в конец, будь это при Чингисхане, Аттиле, Ксерксе, Ашшурбанипале, Сталине или Гитлере. А в этом только-только создающемся мире еще нет законов по охране личности, и потому всегда прав тот, у кого меч длиннее и кто умеет им пользоваться лучше.

Кадфаэль собрал щепочек, я протянул ладони, задержал дыхание. Вспыхнул и пробежал по сухой травинке огонек. Затрещал, запыхнул лоскут бересты, огонь охватил тонкие веточки. Брат Кадфаэль перевел зачарованный взгляд на меня, в глазах – отблеск пламени.

– Сэр Ричард, вы... вы под сенью милости Божьей!

– Да уж, – буркнул я, – под нею самой. Под сенью.

– Господь не зря вам такое даровал!

Я отмахнулся.

– Не пугай. Вообще, братец, тебе после подвига должно бы отломиться что-то и побольше! Или обломиться. Ты же сперва принял героическую...

– Сэр Ричард!

– Ну хорошо, мученическую смерть от рук гонителей веры Христовой, а потом и вовсе вбил в землю по самые ноздри самого подлого из колдунов...

– Сэр Ричард, это вы его... это самое!

– Ну ведь не смог бы без тебя? Но я кое-что уже получил, я такой, гребу обеими лапами, я ж нормальный зверь, а не курица, что все от себя... Тебя, к примеру, еще и канонизируют...

Он переспросил настороженно:

– Как это?

– Причислят к лику святых, – пояснил я. – Жаль, не сейчас к вечеру, а только через пятьсот лет. Это чтоб проверить временем... А был бы в православии, те бы сразу! Но это все лирика, – главное, уже сейчас можешь творить чудеса. Святая Церковь за каждый подвиг хоть малость, но отстегивает. Как раньше за ордена и медали платили, пока Хрущев не отменил... По крайней мере, ты что-то получить должен, если теория верна.

– Чья?

– Да моя, ты еще не знаешь, какой я теоретик! Ладно, пусть пока не теория, а гипотенуза. Ну там тоже огонь разжечь... Ладно, это я могу и сам, а ты бы рыбу научился подманивать в ручье. Говорят, здесь форель водится.

Он сказал с укором:

– Сэр Ричард, это же божьи твари!

Я переспросил:

– Но ты же вроде бы не вегетарианец?

– Нет, но когда подманивать... это нечестно.

Я подумал, кивнул.

– Ладно, это неважно. Ты пробуй, пробуй! Что-то же должны были кинуть на лапу? Тебя же вверх ногами распяли!

– Я сам попросил, – напомнил он.

– Тем более, – сказал я с энтузиазмом. – Сам напросился!.. Проверь, ты что-то должен уметь большее, чем простые монахи. Если, конечно, христианский мир справедлив хоть временами.

Он переспросил с неуверенностью:

– А это не будет гордыней? Нельзя за то, что ведешь себя достойно, ждать награды.

– Согласен, – ответил я. – Но если тебе дали добавочную мощь, то не грех ли будет, если не используешь ее на усиление роли и власти Церкви? Ты же не прешь пешим, когда у тебя мул?

Он серьезно задумался. Я тоже помалкивал, пусть брат Кадфаэль разбирается, что может больше, и может ли. Вдруг только я за каждое деяние получаю пряник, а своим церковь не платит. Если не ошибся и не выдаю желаемое за действительное, то мои чувства в самом деле обострились. Раньше я не слышал птиц с такого расстояния, как вот с верхушки того дерева, не мог рассмотреть так отчетливо их перья... более того, если сосредоточу внимание на каком-то листочке, то различаю застывших на нем тлей, пробежавшего муравья... Правда, в это время можно подойти и стукнуть меня по башке, как всякого, кто увлеченно заглядывает в окуляр микроскопа, но это уже из другой песни.

И еще то, что я засек того гада за кустами. Впрочем, я человек рациональный, могу объяснить все, что угодно, не прибегая ни к какой магии, в которую по-прежнему не верю: мы все в воздушном океане, все как-то пахнем, благодаря чему собаки находят дичь за десятки миль, а бабочки друг друга – за сотни. Так что запросто мог унюхать, а мозг моментально проделал колоссальную работу по идентификации и выдал результат, мол, добрый человек в безлунную ночь никого под мостом не подстерегает, бей – не ошибешься...

Травинка в двух шагах вспыхнула, я ощутил всплеск радости, перевел взгляд дальше. Первая уже погасла, нет корма, в четырех шагах торчит сухой стебелек. Я сосредоточился, собрал волю в пучок. На расстоянии ладони от земли на стебле появилась черная точка, словно под увеличительным стеклом, взвился синий дымок, показалось красное, взметнулся легкий огонек.

Сердце стучит сильно, во всем теле слабость, чувствую себя усталым, будто разгрузил вагон угля. Пока брат Кадфаэль разделал оленя и вырезал для жаркого самые лакомые части, остальные скормим псу, я попробовал поджечь клочок сухого мха в десяти шагах, не удалось, в восьми, семи...

Так, понятно, пять шагов – предел. Что ж, и то прибавка. До поединка с Черным Хозяином было два.

Пока брат Кадфаэль бормочет молитвы, бьет поклоны, я украдкой выудил из кармана горсть крохотных зернышек. В свете костра они заблистали кроваво-красными огоньками, но часть светится собственным цветом: голубым, зеленым, какие-то – почти белым. Меч я воткнул в землю справа, должен быть под рукой всегда, молот положил на колени, даже лук вот он рядом, что делать – в беспокойное время живем.

Каменные зернышки в ладони похрустывают, но что-то не верится, что вот так рассыплются. Не хочу рисковать, но почти уверен, что и удар молота не расколется эти с виду хрупкие жемчужинки. Одна вдруг шевельнулась, перекатилась с ладони, я едва успел сжать пальцы.

Зернышко с ощутимой силой, подобно упорному жучку, пытается протиснуться между пальцами, я развернул руку к молоту тыльной стороной. Жемчужинка перестала раздвигать пальцы и попыталась поискать щелочку в середине ладони.

Замерев, я вращал рукой над молотом, а этот упорный жучок все пытается вылезти наружу. От жемчужинки приятное тепло, словно держу разогретую на солнце горошинку.

Брат Кадфаэль время от времени слегка наклоняется, явно символические поклоны, из транса выйдет, только если здесь грянет взрыв... А что теряю? Не искать же знатоков, которые скажут, как мне поступить. Мир таков, что знатоки в первую очередь постараются отнять и жемчужинки, и вообще все, что есть у меня.

На молоте блеснула плазменная вспышка, словно крохотный метеор врезался. Молот на миг прогрелся так, что рукоять обожгла пальцы. Спрятав остальные зернышки, я с сильно бьющимся сердцем потрогал молот, подбросил и поймал в воздухе. Ничего вроде бы не произошло, легче не стал, выше не улетел, однако... что-то в его структуре изменилось.

Брат Кадфаэль повернулся, лицо серьезное и усталое.

– Брат паладин, жаркое не подгорело?

Запах горелого мяса едва не сбивает с ног. Я поспешно снял с вертела поджаренные куски с обуглившимися краями, бросил Псу.

– Лови!.. Это тебе, как лучшему охотнику. Эксклюзивный рецепт! А мы с братом монахом еще изжарим. Господь велит упражнять волю.

Кадфаэль сказал укоризненно:

– Не упоминай имя Господа всуе!

– Господь мне надежда и опора, – возразил я. – Потому я и опираюсь... Нельзя быть христианином только по выходным, когда ходим в церковь.

Кадфаэль умолк, я быстрее оперирую теми немногими знаниями, что успел нахватать, а у него, как в захваченной варварами и перевезенной в Тевтонию библиотеке Рима, надо долго наводить порядок, сортировать и выстраивать концепции.

Пес сжевал мясо и благосклонно наблюдал за Кадфаэлем, тот вырезал еще пару тонких больших ломтей. Я нанизал на прутья и пообещал себе не отводить взгляд.

– Лучше синица в руках, – сказал я ему утешающее, – чем в каком-нибудь другом месте.

Кадфаэль посмотрел на меня жалобно.

– Брат паладин, что-то слишком мудрено для меня. Устал, голова плохо работает...

– Голова работает тем лучше, – сообщил я, – чем крепче жмут сапоги. Попробуй, а?

Он не сразу понял, что я так шучу, сам он всегда занудно серьезен, слабо улыбнулся.

– Брат паладин, даже не знаю, почему я с тобой еду. Ты меня все время обижаешь...

– Во-первых, – объяснил я, – тебе для святости нужны мучители, хулители и гонители. Во-вторых, ты знаешь, что, если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть укрепится в одиночестве. С глупцом не бывает дружбы. Ну, дальше ты понял, да?

Он взглядом указал мне на вертел. Снизу мясо уже прожарилось, на угли срываются сладкие капли сока, но верх еще сырой, я торопливо повернул, а Кадфаэль сказал укоризненно:

– Гордыня, брат паладин, нехорошо.

– Это я горд? – удивился я. – Просто я подсказываю извечную мудрость: когда путь неясен, держись людей мудрых и осторожных – рано или поздно они находят удачный выход.

Он с той же укоризной в глазах покачал головой.

– Мудрых и осторожных? Ты о ком? Гордыня и тщеславие пополам с хвастовством... Но верным ли путем идем, можешь сказать?

– Только когда приходим к цели, – возразил я, – мы решаем, что путь был верен. А до этого – потемки. Ты прислушайся к голосу разума! Слышишь? Слышишь, какую фигню он несет? Вот-вот. Так что надо просто верить, брат Кадфаэль!

Он застыл с открытым ртом, ошеломленный и ошарашенный, что это я, человек с мечом, обвинил его в недостатке веры и преклонении перед каким-то разумом. Я, донельзя довольный, как легко фехтовать силлогизмами среди простых и неиспорченных, снял прут, от мяса одуряющий запах, другим прутиком кое-как спихнул на чистое полотенце, нанизал еще с десяток.

- Испортишь Божью тварь, – сказал Кадфаэль укоризненно.
- Что делать, если он обожает жареное?

Воздух к вечеру повлажнел, бодро заквакали лягушки. Запад неба полыхает в адском огне заката, торопливо прокричали перепела, ночь наступает медленно и нехотя. Звезды высыпали давно, однако долго остаются мелкими крапинками, острыми гранями обзаваются медленно, незаметно.

Гряда леса выглядит массивом угольной пыли, чуть выше лиловая полоса чистого неба, странно и дико видеть в ней часто вспыхивающие сполохи. Кадфаэль съел половину мясной лепешки, остальное отдал Псу, тот благодарно повилял ему хвостом и лизнул в нос.

Я потихоньку нащупал в кармане геммы гномов, Кадфаэль сказал заботливо:

– Ты спи. Ночи короткие.

– А ты?

– Монахи привыкли к ночным бдениям.

– Не переборщи, – посоветовал я. – А то наступит истощение... Всякие видения начнутся, святых узришь, Дева Мария явится...

Он покачал головой, отвернулся с книгой в руках и углубился в чтение. Жемчужинки загадочно поблескивают в ладони, не могу думать о них как о чем-то магическом, для меня это по-прежнему чипы невероятной мощи и непонятного назначения. Конечно же, адаптированные для нужд домохозяек, если можно так сказать, достаточно универсальные, вон даже для молота подошла одна, но не думаю, что их создавали для интеграции именно с такими молотами.

Одна жемчужинка едва слышно шевельнулась в ладони. Я подвигал кулаком над мечом, луком, доспехами, и только когда поднес к левой руке, заскреблась снова. Сердце стучит, я начал тихонько раскрывать ладонь, ухватил крохотную бусинку, что покатила в ложбинке между пальцами, поднес ее к единственному кольцу на левой руке.

Сердце тревожно тукнуло: жемчужинка прилипла к колечку сбоку, криво и очень некрасиво, словно намагниченная, но не успел я прикоснуться к ней, как начала опускаться, расплываться, словно капелька ртути, что соприкоснулась с другой каплей ртути, побольше, и через пару мгновений колечко, заблестав, будто обновилось, вновь стало простеньким и сереньким.

Я сжал и разжал кулак. Колечко медленно остывает, выглядит так же неприметно. Некоторое время я крутил кольцо на пальце, поворачивал так и эдак, стараясь ощутить хоть что-то, хоть бы что-нить необычное, ну там невидимость или мимикрию, чтоб принимать любой облик...

– *Auferte malum ex vobis*, – донесся тихий голос брата Кадфаэля, он заканчивает молитву чуть громче, чем начинает, – исторгните зло из среды вашей...

– *Aut vincere, aut mori*, – поддержал я его оптимистически, здесь любая латынь сходит за молитву, – победа или смерть, победить или умереть, как говорят святые отцы Церкви...

– *Ad meliorem*, – заключил Кадфаэль и лег у костра, – все к лучшему...

– *Aut Caesar, aut nihil*, – согласился я.

– Это что значит? – спросил Кадфаэль сонно.

– Умоются кровью те, – объяснил я, – кто усомнится в нашем миролюбии.

Он тихо и кротко уснул, а я лежал, вспоминая свои три замка, земли, в которых надо бы ввести кое-какие усовершенствования. Ну, не обязательно колхозы, но все же я больше экономист, чем все их прежние хозяева... Вообще-то здесь как раз на практике воплотился лозунг: анархия – мать порядка. Здесь, в Европе, установился самый приемлемый строй именно за счет того, что в этих местах на протяжении столетий, да что там столетий – тысяч лет! – были дикие земли, незаселенные, если сравнивать с густонаселенными странами Малой Азии, Средиземноморья, Северной Африки или Китая.

А когда земли считаются дикими, на них перебираются те, кто не желает закона над собой, ничьей власти. И так из поколения в поколение никому не кланяются, никому не выплачивают налоги. А когда все же приходится защищать эту свою свободу, то делают это либо сами с оружием в руках, либо, если враг силен, объединяясь с такими же свободолюбивыми и независимыми. Правда, тогда приходится поступаться частью вольностей, однако это та часть, которую делегируешь, как теперь говорят, центру сам, а не та, какую центр у тебя отнимает силой или хитростью. Когда вот так сам отдаешь часть своих вольностей в обмен на защиту и еще какие-то блага, то сам же и придерживаешься такого договора: понимаешь, что без него будет гораздо хуже.

Сейчас эти территории как раз формируются в страны, еще непонятно какие. Здесь сотни баронств, графств, герцогств, княжеств, здесь возникают королевства и даже империи, что редко существуют больше одного поколения. И только Церковь неуклонно формирует одно мировоззрение, одни ценности, превращая великое множество племен, народностей и народов в единый конгломерат, который когда-то станет единой Европой, где, несмотря на различные режимы, – один Бог, одна вера, одна Церковь, пусть даже разделенная на католиков, протестантов, кальвинистов, лютеран, альбигойцев, ариан...

Так что сила будущего конгломерата в том, что нет центральной власти, она формируется стихийно. Формируется такой, какой должна быть, раз уж без нее не обойтись. В этом мире, в отличие от Востока, сперва люди понимают, что без сильной власти не обойтись, а уж потом сами ее создают, наделяя минимумом полномочий. Опять же в этом резкое отличие от Востока, где изначально фараон – живой бог, все остальные человеки – тлен, прах, грязь, никто из них не смеет приблизиться и на сто шагов, чтобы не осквернить божественного смрадным человеческим дыханием.

В звездном небе то и дело проносятся стремительные летучие мыши. Иногда слышен легкий треск, это зверьки хватают и размалывают жуков. Абсолютно беззвучно пролетела сова, лунный свет делает кромку крыльев и край головы серебряными, а остальное тельце можно заметить только по исчезновению звезд.

Пес лег рядом, прижавшись теплым боком, Зайчик облюбовал кусты с сочными ветвями и с удовольствием поедает. Я начал засыпать под уютный хруст, как вдруг по ту сторону россыпи багровых углей возникла фигура сидящего человека. Я даже не вздрогнул, слишком все тихо и мирно, поднялся на локте и всмотрелся в незнакомца.

Он поворошил угольки, красный свет подсветил снизу лицо. Глаза смеются, а когда заговорил, все лицо выражало доброжелательность и радушие.

– Вижу, вам очень хочется на Юг, сэр Ричард!.. У меня для вас хорошая новость.

– Да? – спросил я настороженно.

Он покачал головой, в голосе прозвучала укоризна:

– Почему сразу шерсть дыбом? Разве я когда-нибудь вам строил пакости? Или советовал плохое?

– Знаете ли, – сказал я откровенно, что хитрить с Отцом Лжи и Хитрости, – репутация у вас больно... подмоченная. А мы живем в мире, где репутация начинает цениться едва ли не больше, чем молодецкий удар копьём.

Он смотрел внимательно, в черных глазах неожиданно промелькнула грусть, уголки рта опустились.

– Верно, но репутация моя такова потому, что ее делают в победившем лагере. Но если бы в той великой битве победили мы, мятежные ангелы? Какова была бы моя репутация? И как бы отзывались о моих противниках?

Если он ожидал, что я от возмущения буду брызгать пеной и сыпать цитатами из Библии, я его разочаровал... или обрадовал, непонятно, хотя его подвижное лицо все время меняется, показывая моментальную смену мыслей, чувств, настроения.

– Вы правы, – сказал я, – но только... наполовину. Если все средства информации подгребет под себя тиран и станет черное выдавать за белое, правда все равно вылезет, как из мешка шило. Я согласен, что монополия на правдивую информацию... вообще на информацию, полностью в руках церкви. Но ведь вы, если на то пошло, вообще не занимаетесь просвещением!

Он покачал головой.

– Еще как занимаемся. Там, на Юге. А новость моя в том, что император Герман Третий, его земли далеко на Юге, шлет золотой шлем для победителя Каталаунского турнира. Добавочный приз победителю! С ним он может проехать беспрепятственно через все королевства Юга, прибыть ко дворцу императора и поступить на службу.

– Не интересуюсь, – ответил я равнодушно.

– Пропуском на Юг?

– Службой у императора.

Он развел руками, в глазах прыгают веселые смешинки.

– А кто заставляет? Победитель может делать со шлемом все, что угодно. Хоть пропить в тот же день. Или все-таки приехать на Юг, посмотреть тамошние диковины, а затем вернуться на Север и выращивать там свиней.

Я поискал подвох, но с ходу не обнаружил, сказал осторожно:

– Это меняет дело. Как я слышал, на Юг попасть не просто?

– Очень, – подтвердил он. – Сама природа разделила Юг и Север непроходимыми горами, провалами, зыбучими песками. Я не говорю уже, что, хотя часть земель, принадлежащих Югу, расположена сразу за Перевалом, главные земли Юга – по ту сторону океана. Но никому еще не удавалось преодолеть горный хребет, которым сама природа разделила земли на Юг и Север! Пройти можно только в двух местах, но над обоими высятся громадные башни с войсками южан. В обеих постоянно несут стражу как могучие маги, так и могучие рыцари. Без пропуска там не пройти. Никому. Даже вам.

Я подумал, кивнул.

– Понятно. Что ж, буду драться за этот самый золотой шлем.

Его лицо посерьезнело.

– Я заинтересован, чтобы вы добрались до Юга. Постараюсь помочь вам в турнире.

– Нет уж! – воскликнул я. – Никакой помощи! Я сам, только сам.

В его глазах вспыхнул огонек удивления.

– Но ведь вы хотите попасть на Юг?

– Уже сказал, – напомнил я.

– Так в чем же дело? Я просто помогу вам с этим... пропуском.

Я покачал головой.

– Говорят, у того, кому помогает Бог, помощник лучше.

– Бог? – переспросил он. – Надеетесь, что будет помогать Бог? Да он и пальцем не шелохнет! Его вообще, судя по его полнейшему невмешательству, нет!

– Тех, – сказал я, – кто решил, что Бога нет, он наказывает сильнее всех.

Он вздохнул, глаза чуть подернулись грустью.

– Ясно. В борьбе со здравым смыслом победа будет за нами! Это чисто по-рыцарски. Когда Бог раздавал мозги, рыцари были в крестовом походе... От вас я такого не ожидал, сэр Ричард! Ладно, все равно помогу одержать победу, хотите мою помощь или нет. Просто знаю, что на Юге посмотрите на многие вещи совсем-совсем иначе.

Я подумал, сказал с чувством:

– Идите к черту со своей помощью. Есть люди, в которых живет Бог. Есть люди, в которых живет дьявол. А есть люди, в которых живут только глисты. Хорошая такая первая бета-версия менделеевской таблицы! Однако в ней есть еще одна неназванная клеточка... Там нахожусь я. Сразу скажу, что глистов у меня нет.

Он оглянулся на спящего брата Кадфаэля, даже в этом мимолетном взгляде я уловил массу разных оттенков презрения, но и сожаления, что такой драгоценный камешек лежит среди щебня и там останется.

– Ладно, как хотите, – сказал он и поднялся на ноги. – Сосредоточьтесь на турнире. Желаю удачи!

Он исчез мгновенно, как будто выключили голографическое изображение, хотя вон полыхает подброшенная им в огонь ветка, а вон придвинутый ближе к костру обломок дерева. Брат Кадфаэль засопел, подтянул колени ближе к подбородку. Я дотянулся до одеяла, набросил сверху. Монах сразу ощутил тепло, перестал скрючиваться.

Вроде бы нормально, что мне пожелали удачи, но какая-то заноза оставалась. Словно я пропустил какой-то важный подтекст.

Глава 3

Пугливо прячась, за деревьями бежит лесная речка, трусливая как заяц, но живучая, подобно кошке. Ее пытаются остановить, придушить, искромсать падающие от старости деревья-великаны, скатывающиеся с гор тяжелые камни. Но она все бежит, оставляя на острых сучьях клочья пены, подныривает под деревья и, сопя от натуги, прорывается, как дикий зверек, дальше, огибает огромные глыбы, хоронится от всех, а сама все набирает силы от родников и ручьев.

Мы потеряли ее на пару часов, а когда то ли она сделала крюк, то ли мы обогнули холм, с ревом и грохотом выбежала чуть ли не навстречу, выжившая, сильная. Потом она сделала крутой разворот и понеслась к видневшимся далеко-далеко ярко-красным черепичным крышам не то маленького городка, не то разросшегося села.

Брат Кадфаэль величественно простер длань, правда, худую и желтую, как монастырский воск.

– Интересно, почему этот турнир называют Каталаунским? Ведь проводится он будет где-то между двумя городами.

– Отцы Каталауна первыми выступили с идеей турнира, – объяснил Кадфаэль, – там удобная долина с пологими холмами по обе стороны. Зрители на склонах, роскошная дубовая роща с третьей стороны... есть куда проигравшим рыцарям удалиться, чтобы тайком оплакать горечь поражения.

Кадфаэль поехал со мной рядом и словоохотливо объяснял, что Каталаун не столица, а самый крупный город в королевстве. Да и в соседних. Здесь вообще последний катаклизм прошел стороной, больше половины домов сохранилось от Седьмой эпохи. А в центре Каталауна два строения времен Шестой, настолько странные и причудливые, будто строили вовсе не люди, а огромные муравьи или, скажем, жуки. В этих двух никто не живет, в них боятся даже заходить, в то время как здания Седьмой эпохи оберегают, туда заходят, хотя, конечно, несмотря на просторность помещений, никто не осмеливался там разместить цех, склад или жилище.

Кадфаэль вознес благодарственную молитву, его мул с шага перешел на суетливую рысь. Я чувствовал, как сердце начинает стучать чаще. До этого я, по сути, околачивался на окраине, сталкивался с деревенскими увальнями, пусть и рыцарями, а сейчас приближаюсь к месту, куда уже съезжаются лучшие рыцари всего королевства. А кое-кто приехал даже из соседних земель.

А что могу я? Драться не стал лучше, хотя, правда, в награду за уничтожение Темного Пятна получил новый левел святости, т.е. огонь могу зажигать с трех шагов, даже с пяти, излечиваю проще и не чувствую слабости, кроме того еще, как убедился на опыте, могу ощутить опасность на расстоянии и даже определить источник. Правда, только если сам человек видит меня, целится в меня или как-то подкрадывается с намерением причинить вред.

Что еще? Ну да, в темноте вижу еще отчетливее, хотя все в том же тепловом излучении, как какая-то гремучая змея. Но, увы, пока не могу сотворить помимо кофе еще и, скажем, хотя бы крошку сыра или каплю молока. Тем более мяса. Наверное, паладинам не положено, хотя насчет мяса поэкспериментировал в первую очередь, пытаюсь создать сперва бифштекс из элитного ресторана, потом жареного гуся, наконец – простейшую котлету.

Ладно, не стану вегетарианцем только из-за того, что поленюсь стрелять по дороге дичь, что так и прыгает из-под конских копыт. Да и Пес не даст упасть до человека, которого заботит правильное питание.

Из-за леса плывет мелодичный перезвон колоколов. Деревья расступились, высокая колокольная высится гордо и с достоинством, в просвете арки мечется человеческая фигурка в

длинной монашеской рясе. Человек дергает веревки, звуки расходятся то низкие, басовитые, уверенные, то высокие и нежные.

Лес сдвинулся, выплыл, как авианосец, сурового облика монастырь: четырехугольная крепость с толстыми зубчатыми стенами. В самой середине массивное здание с остроконечной крышей, увенчанной еще и шпилем, напоминающим меч. Монахи, собирающие плоды с деревьев близ монастыря, подняли корзины и отправились к воротам. Везде, куда я бросал взор, все оставляют дела и двигаются к монастырским вратам. Фигурка на колокольне продолжала раскачивать язык колокола, слуха коснулся новый мелодичный звон.

Ворота распахнулись, люди в длинных плащах один за другим втягивались в крепость. А потом врата закрылись. Я чувствовал, как изнутри накладывают запоры, отгораживаясь от этого простого, даже очень простого мира, что желает оставаться таким, не усложняясь, и не желает учиться, постигать, совершенствоваться. Мира, который живет простейшими чувствами и страстями, не умея и не стремясь подчинить их чему-то более высокому.

Я вздохнул, внезапно ощутив острую зависть к этим людям. Они уже сейчас сумели найти выход и отгородиться от самодовольных дураков, что знают, как жить. Те, кто в стенах монастыря, выглядят чужаками и потерянными для мира, хотя на самом деле потеряны как раз все, кто по эту сторону монастырских стен.

Да, там, в монастыре, Мендель начнет опыты с горохом, Паскаль создаст что-то паскальное, Коперник придумает свою систему, а Джордано Бруно начнет доказывать множественность миров. Именно в монастырях зародится то, что будет названо научным методом познания. А вся эта шелуха с битвами, сражениями, турнирами и прочей шелупонью останется по эту сторону стен и уйдет в небытие. Правота же пути, что там, за стенами, будет со временем выглядеть такой убедительной, что в будущем сохранят помимо ценного ядра еще и шелуху: разжиревших попов, церковные стены, обряды, молитвы, поклоны и все атрибуты начиная от свечей, просвир и кончая ритуальным крещением.

Кадфаэль сказал с жаром:

– Еще здесь бы порыться! Да вряд ли допустят...

– Золотишко поискать? – спросил я.

Он ответил с негодованием:

– У них лучшая библиотека в королевстве!.. Даже в Скарляндах, Гиксии или в знаменитом Морданте такого богатства нет. Тысячи томов, из них едва ли четверть прочитана, а треть разобрана!

– А-а, – сказал я понимающе, – дешевого колдовства восхотелось?

Он сказал с еще большим негодованием:

– В книгах есть и повыше ценности, чем колдовство, брат паладин!

– Да? – спросил я с сомнением. – Тогда почему же говорят, что когда книголюб видит книгу – он готов отдать за нее сердце, а когда монах видит деньги – он готов отдать за них священные книги?

Он вскипел:

– Это наглая ложь!

Я спросил ласково:

– Каков у нас первый и самый серьезный из смертных грехов?.. Верно, гнев.

Он мгновенно остыл, заговорил уже спокойнее:

– Брат паладин, даже небольшим умом можно блистать, если тщательно натереть его о книги. Но я понимаю, тебе скучно без драк, вот и дразнишь скромного служителя Христа.

Я сказал примирительно:

– Да шучу я, шучу. Книга в самом деле – лучший друг. Не ноет, жрать не просит и драться не лезет... К тому же всегда свою точку зрения можно вычитать из книги! А на следующей странице поменять... А почему, говоришь, не допустят? Ты разве не монах?

Он вздохнул.

– У нас разные Уставы. К тому же они все больше склоняются к аристейству, а я все-таки верую и действую только в русле истинной церкви.

– Ну, – заметил я, – каждый считает свой путь истинным. А чем отличаются эти... аристейцы?

Он начал рассказывать о проблемах церкви, я кивал с умным лицом, делая вид, что слушаю внимательно, сам посматривал по сторонам.

Вообще-то о ересьях я знал даже больше, чем сам брат Кадфаэль и даже его наставники: трудно дожить до моих лет и не услышать о баптистах, адвентистах, рериховцах, хаббардистах и прочем гербалайфе, так что кивал, пропуская мимо ушей жалобы на самую новую и самую живучую ересь – альбигойцев, так их называют от города Альби, откуда пошла крамола, или же катарами, как они сами себя гордо зовут, ибо *katharos* – чистый, если по-нашему. Эти катары, как я понял, ведут себя, как Троцкий или Дзержинский, что отрицали всякие компромиссы с буржуазным миром и предпочитали сгореть в огне пожара всемирной революции и сжечь весь мир, но не пойти, так сказать, на сделку с убеждениями.

Катары отрицают власть церкви и государства, для них закон – Священное Писание, ведь даже Новый Завет – создание Сатаны, катарам нельзя клясться, участвовать в войнах... Вообще-то прекрасная позиция, кто спорит, очень принципиальная, но таких лучше держать в поэтах и кинорежиссерах, но не подпускать к рычагам власти. Церковь, которая сама еще совсем недавно с гневом и страстью обличала античный распутный мир, как вон сегодня ее обличают катары, сейчас у руля и ломает голову, как же лучше употребить эту власть в пользу человечеству.

Надо отдать ей должное, вовремя разглядела опасность и резко осудила альбигойцев, одновременно проведя в своих рядах чистку или даже зачистку, тем самым сводя обвинения альбигойцев на нет, а то попики уж слишком наострились пьяными по бабам, торговать индульгенциями, участвовать в оргиях.

Кадфаэль сказал грустно:

– Что делать, катары во многом правы, очень правы!.. Но так нападать на церковь – просто нечестно. Если принять установки катаров, то придется прикрыть монастырские школы, закрыть университет...

Я кивал: все верно, ереси строятся на обличении церкви, и все требуют строгости, очищения и закручивания гаек. А это значит, что церковь должна враждебно относиться отныне к зарождающейся науке и к новому искусству и уж ни в коей мере не покровительствовать им в собственных стенах, церковь должна отказаться от любого участия в светских делах... Может быть, по церковному Уставу и Программе Партии церкви это и соответствует букве Евангелия, но сам Бог не простит таких туповатых слуг, если не воспользуются полученной ими мощи на благо всех людей.

Город все приближался, а Кадфаэль увлеченно рассказывал, что с альбигойцами за власть спорят павликаны, их породил сам апостол Павел. Они отвергают Ветхий Завет и часть Нового, всех пророков и святых, церковь, духовенство, монашество и сами монастыри. Катары также осуждают все земное, призывают к аскетизму, обличают церковь... Есть еще вальденсы, эти утверждают, что всякий достойный человек может быть священником, неча быть отдельной социальной группой, и вообще долой церковь!

Есть болларды, договорил я молча про себя – это народные проповедники, что подготовили восстание Уота Тайлера, их проповедник Джон Болл боролся против всех привилегий церкви. Табориты больше известны как революционное крыло гуситов, что нанесло ряд поражений немецким крестоносцам, это воинственный плебс с лозунгом «Грабь награбленное церковью!». Так что я, несмотря на свою революционность, несмотря на симпатии ко всем,

кто борется против «зажравшейся» церкви, все же не хочу жить при военном коммунизме. А именно к нему ведут все еретические учения таких самоотверженных чегевар и яногусов.

С высоты холма открылся незабываемый вид: два городка, Каталаун и Терц, на какое-то время слились воедино в гигантский мегаполис, благодаря турнирному полю. Вокруг поля множество шатров рыцарей и знатных людей, лавки торговцев, походные кузницы и оружейные. Лошадники пригнали на продажу великолепных коней, явно не для работы в крестьянском хозяйстве: все крупные, с толстыми ногами, способными не только выдержать вес всадника в тяжелых доспехах, но и пойти вскачь. К этому Вавилону тянутся подводы с битой птицей, рыбой, хлебом и сыром, по дорогам гонят блеющих овец... ну здесь не римские легионеры, так что овцы не для «половых нужд армии», а на прокорм многих тысяч здоровых и не страдающих потерей аппетита горожан.

Я увидел турнирное поле и сразу вспомнил классическое описание из подлинной рукописи короля иерусалимского Рене д'Анжу: «Ристалища должны быть длиннее ширины на четверть, а ограда в высоту человеческого роста или в шесть с половиной футов, из крепкого дубового дерева и четырехугольных двойных свай; и те, и другие на высоту колена должны быть двойные. Внешнее ристалище должно устраиваться в четырех шагах от первых, для того чтобы пешие слуги могли освежаться и спасаться из свалки; там же помещались особые слуги (*gens armes*), назначенные судьями, чтобы не допустить народной толпы к участникам турнира; что касается величины ристалищ, то строят и большие, и малые, смотря по числу участников и приговору судей».

Отсюда видны только крохотные фигурки, но блеск выдает доспехи, щиты, мечи, как будто вся долина усеяна крохотными зеркальцами. Кадфаэль посматривал на меня с осторожностью.

– Брат паладин, тебе так уж необходимо... драться?

Я вспомнил разговор с Сатаной.

– А что делать, если надо?

Он сдвинул плечами.

– А почему я не дерусь?

– Когда можно не драться, – ответил я, – я тоже не дерусь. Но бывает, когда это самый прямой путь к цели. Есть люди, для которых удар по голове – самый убедительный довод.

Он печально вздохнул.

– Да, мир все еще несовершенен. Даже не знаю, успеем ли построить Царствие Божье на земле до того, как состарюсь?

Я посмотрел искоса на его серьезное лицо: не шутит, в самом деле верит, что можно построить идеальное общество при жизни нынешнего поколения. Ну прям второй Никита Сергеевич.

– Знаешь притчу, – спросил я, – про старика, который сажал яблоньку?

Он подумал, кивнул.

– Понял, брат паладин, на что ты указываешь с деликатностью, которую так ценю... и которой все еще удивляюсь в таком крупном человеке. Но все-таки, прошу, не дерись в тех случаях, когда можно не драться!.. Кроме отвращения к пролитию крови, я еще и беспокоюсь за тебя, брат...

– Я тоже, – признался я.

Впрочем, человек продолжает развиваться, у него появляется больше нервных узлов, он становится быстрее, гибче, а не только сильнее и выше ростом, что наглядно показала акселерация. С мечом в руках я двигаюсь вдвое быстрее любого опытного воина, устаю меньше, а в ответ на их примитивные приемы боя придумал десяток своих новых. Не потому, что уже знал, нет, просто мой кругозор расширен средствами кино и телевидения, знаю о самурайских мечах и восточной технике боя, и хотя никогда подобной ерундой не увлекался, но уже то, что эта

техника существует, раскрепостит любого и позволит искать в таких местах, где нынешнему рыцарю не придет в голову.

Глава 4

Дорога со скоростью бегущего за дичью пса устремилась к городским воротам, но я чуточку свернул, чтобы проехать как можно ближе к турнирному полю. На мой взгляд, нисколько не походит на те места для рыцарских схваток, которые мы проезжали дважды или трижды по дороге к Каталауну. Там просто удачное место, приготовленное самой природой: ровное поле, покрытое зеленым дерном, а по бокам холмы, на которых так удобно сидеть, и дубовые рощи, где хорошо отдыхать в тени, здесь же огромная площадь, вытянутая в прямоугольник, а по обе стороны – я уж сперва решил, что это многоэтажные дома, однако это многоярусные крытые галереи для публики. Справа и слева, где обычно разбивают шатры для участников соревнований, здесь настоящие конюшни, из открытых ворот выводят под уздцы коней...

Брат Кадфаэль сказал скорбно:

– Вместо того чтобы думать о душе, эти люди погрязают в мирских утехах...

– Еще как погрязают, – согласился я. – Размах-то каков! Чувствуется, что здесь это погрязание поставлено очень серьезно и на широкую ногу.

– Говорят, – сообщил он, – герцог Ланкастерский, что замещает короля Барбароссу, большой любитель рыцарских турниров.

– Этого мало, – сообщил я. – Здесь чувствуется экономическая составляющая. На турниры сколько народу съезжается? Участников с их оруженосцами и слугами, знатной публики, которую надо кормить, поить, устраивать на ночлег?.. Думаю, местные купцы в восторге. Это же какой приток денег в их карманы!

– Что ты о деньгах, – сказал он с укором. – Деньги – зло.

– Да, – согласился я. – Посмотришь на хороший доспех или боевого коня – и зла не хватает! Но мне кажется, деньги все-таки не зло. Зло так быстро не кончается.

Он посмотрел укоризненно.

Вдоль турнирного поля, строго посередине, деревянный заборчик. Невысокий, по стремя, всего лишь разделительная черта для удобства, чтобы больше внимания уделять направлению удара. Заборчик всего в треть длины поля, дальше ровная площадка, там уже можно свалиться с седла, это не поражение, главное – удержаться, пока после страшного удара скачешь вдоль этого заборчика...

Ветерок треплет десятка три разноцветных флагов и стягов, а также великое множество прапорцов на шатрах. Для зрителей уже установили множество лавок в несколько рядов, и только на первом вместо одной из лавок – кресла. Два из них – с высокими спинками, где должны сидеть король Барбаросса и его жена Алевтина, сейчас пока что невеста, и еще шесть кресел попроще.

Кадфаэль, к моему удивлению, вполголоса называл, кто будет сидеть справа от короля, кто слева, и единственное отличие от всех остальных празднеств – что здесь не будет высших иерархов церкви. Как известно, церковь резко выступает против турниров, как и против дуэлей.

Я пробормотал:

– Но как же... Я слышал, церковь собирается проследить, чтобы никакой магии...

– Проследит, – ответил Кадфаэль уверенно.

– Однако, – сказал я, – если церковников не будет...

– Будут, – заверил Кадфаэль. – Одно дело епископ, другое – рядовые священники. Они как бы сами по себе...

– Понятно, – сказал я. – Официально церковь в этом не участвует, ибо супротив ее догматов, но неофициально по-прежнему следит и бдит. Верно?

– Сэр Ричард, вы, как всегда, объясняете все очень точно!

– Понятно, – повторил я. – Церковь не хочет дать распространиться заразе, потому сдерживает, как может. Даже неофициально. Если бы вовсе не участвовала, здесь началась бы резня...

Кадфаэль сказал с негодованием:

– Сэр Ричард, что вы говорите? Собрались все-таки христианские рыцари!

– Да знаю-знаю, – ответил я. – Настолько христианские, что не знают, где остановиться. Они затевают схватки по любому поводу: косой взгляд, неосторожное словцо, криво повешенный щит...

А вообще-то он прав, мелькнула мысль. Трубадуры всячески насаждают мысль, что турнир – это не место захвата пленников и лошадей, а поле чести и доблести, где сражаются только во имя своей славы. Правильная с точки зрения государственности мысль, ибо рыцари даже в реальном бою часто останавливаются среди битвы, чтобы как следует пограбить, из-за чего войско теряет тактическое преимущество и наступательный порыв.

Правда, вельможи, вроде герцогов и богатейших графов, в самом деле могут сражаться и сражаются только ради славы. Им захваченная лошадь противника ничего не добавит к богатству. Их и расхваливают именно за щедрость, из-за чего вельможи, чтобы поддержать репутацию, вынужденно тратят огромные суммы на покровительство бардам, менестрелям, а также отказываются принимать выкуп от побежденных и великодушно отпускают их с конями и доспехами.

Так что турниры способствуют если и не смягчению нравов, то во всяком случае – облагораживанию.

Между шатрами постоянно снуют люди в доспехах, а рыцари проезжают на рослых конях поодиночке и группами. Все как один нарядные, блещут богато отделанные шлемы с пышными султанами или длинными цветными перьями, на панцирях обычно герб, как и на щитах и даже конских пополах. За такими рыцарями спешат оруженосцы, слуги и работники, доспехи богато украшены серебром и золотом, по ветру плещутся знамена, штандарты и флажки на длинных копьях.

Здесь уже настоящее рыцарство, мелькнула мысль. Настоящее в том смысле, что развитое, куртуазное и все такое. Уже формируется общественный статус, почти у всех рыцарей длинные родословные. Класс феодалов резко отделен от черни, где воспевающие рыцарей барды и трубадуры. У рыцарей разработанные гербы, знамена, их восхваляют певцы, в то время как на Севере рыцарь все еще без такого красивого обрамления. У северного нет длинной родословной, часто нет даже герба, нет красивых украшений, у него еще нет больших земель, а барды еще не выделяют рыцарей из числа людей с оружием.

Я вздохнул, выпрямился. Но у рыцарей Севера уже есть их гордость, отвага и то отличие от простых людей, что залегает глубоко внутри. А внешне... ну разве что гордая посадка на коне и надменно выдвинутая нижняя челюсть?

Я выпрямился, надменно выдвинул нижнюю челюсть, и мы с Кадфаэлем подъехали к городским вратам. Пес послушно идет рядом с конем, поглядывает на меня понимающими глазами.

Ворота распахнуты, в них нескончаемым потоком идут подводы, телеги, толпы народу, чувствуется веселье, отовсюду возбужденные голоса, крики, вопли. Я ждал, что с нас возьмут за вход и топтание земли, но по случаю турнира все налоги отменены, что, несомненно, даст толчок любой торговле и процветанию города, как в любой офшорной зоне.

Кадфаэль морщился, кривился, наконец сказал с неодобрением:

– Что за дикарская радость?... Так бы радовались приезду архиепископа!

– В нашей жизни так много праздников, – заметил я, – что только жуткий интеллигент или монах будут изводить себя вопросом, по какому поводу сегодня пьют.

– Брат паладин, лучше бы эти праздные люди о душе подумали!

– В жизни всегда есть место празднику, – сказал я примирительно, – нужно только уметь в это место попасть.

Каталаун обнесен настоящей каменной стеной, в то время как Терц огорожился простым частоколом, а где и вовсе земляными насыпями, утрамбованной землей, завалами из камней и стволов деревьев. Каталаун – старый город, это значит, что построен без всякого плана, и если стена у главных городских врат выглядит высокой и внушающей, то с другой стороны к ней с обеих сторон жмутся домишки, их крыши почти на уровне подошв прогуливающихся по стене стражей.

В самом городе могучие дома-башни местных вельмож, две церковные колокольни, а в северной части – приземистый, разваливающийся от древности храм. Рядом с десятком жалких домишек и, к чему мне привыкнуть особенно трудно, поля и луга. Когда-то город расширится, и такое вот поле, где сейчас пасется стадо коров, станет центральной площадью, но сейчас это островок мирной сельской жизни, что оказался внутри городских стен.

Центром Каталауна пока что служит простой перекресток. Правда, там же бьет источник, куда собираются женщины с кувшинами, вроде бы за водой, но в основном чешут языками, для них сходить за водой то же самое, что в мое время – на шейпинг или в фитнес-клуб.

На улице все чаще встречаем возбужденных людей, размахивающих руками, в разорванной одежде, с кровью на руках и лицах, а ближе к центру так и вовсе кое-где группки людей дерутся ожесточенно, как муравьи после дождя. На коне ехать все труднее, я спрыгнул на землю и повел Зайчика в поводу, спрашивая, где здесь постоянный двор.

Кадфаэль больше интересовался дракой, надеялся, что благочестивые христиане изгоняют еретиков, однако, как объяснил один из горожан, жестокая схватка, вернее, драка возникла между двумя могущественными семьями, Монти и Капулы: Монти являются сторонниками строгих христианских правил, везде на своих обширных землях строят церкви и часовни, а Капулы, напротив, выступают против засилья церкви, всячески притесняют монастыри, облагают их налогами, отбирают земли, а самих монахов и священников ограничивают в правах.

Эта драка возникла из-за того, что Монти вознамерились возвести величественный собор в центре города, семья Капулов усмотрела в этом посягательство на их влияние, что на самом деле так и было, собранная толпа разнесла деревянные леса и начала засыпать котлован. В ответ на это по призыву Монти пришли все мужчины их клана, вышибли с площади клеветников Капулов, сейчас драка кипит в переулках, к Капулам прибывают подкрепления.

Объяснявший нам суть стычки горожанин закончил со злобой:

– Такую яму вырыли посреди города!.. Зачем нам этот костел?

– Да, – поддакнул я, – лучше бы казино или ресторан. А то и бордель...

Горожанин кивнул, потом спохватился и посмотрел с подозрением.

– Вы не с Юга?

– Нет, – признался я, – но мечтаю туда попасть.

Взгляд его подобрел, он сказал уже по-свойски, признавая своего:

– А кто не мечтает?.. Там, говорят, бордели на каждом шагу. А церкви – ни одной!

Он вздохнул завистливо. Я поддакнул снова:

– Да, там все дороги либо в бордель, либо в казино, и ни одной – в храм или в школу!

Он вздохнул еще завистливее.

– Увы, нас на Юг не пустят... Там очень строго на границе. Говорят, что границы вроде бы нет, но чем дальше на юг, тем больше в тебе видят чужака. Тогда либо назад, либо умереть. У них даже птицы сверху следят за всеми, кто пробирается на Юг.

Мы пошли дальше, а он остался наблюдать за дракой. Кадфаэль потрясенно покачивал головой.

– Как они могут? Как они могут вот так?..

Я напомнил:

– Любимым развлечением мужчин, детей и прочих зверей является драка.

Он воскликнул:

– Да я не о самой драке! Но, главное, за что?

– За добро, – подсказал я. – Добро должно быть с кулаками, если у него нет под рукой дубинок, мечей, топоров, автоматов... Конечно, народ здесь далек от христианского смирения: плюнешь в рожу – драться лезет! С другой стороны, это же фронтир.

Он воскликнул горестно:

– Да я не о том! Конечно же, здесь должны строить костел, какие могут быть споры, драки? Под Каталауном одна из древнейших святынь христианства: статуя Пресвятой Девы... Брат паладин, нам нужно обязательно побывать там, поклониться святыне.

Я спросил недоверчиво:

– А разве ислам не запрещает... тьфу, церковь разве разрешает сотворять кумиров?... Ну, статуя Пресвятой Девы не слишком уж далека от медного змия...

Он покачал головой.

– Дело в том, что сотворил ее Симон Волхв. Он был языческим жрецом, то есть очень образованным человеком, крупным ученым, философом, знал сорок языков, был великим математиком и геометром... Но когда ему открылась глубина христианства, он без колебаний принял веру Христа, хотя потом церковь его несколько...

– Подкритиковывала? – подсказал я.

– Да. Он создал свое собственное воззрение на пришествие Христа: не признавал догмат троичности, отрицал его божественную суть, признавал в нем лишь гения, подобного Моисею...

– Так вот кто создал ислам, – пробормотал я. – А что церковь?

– Осудила, заявив, что все его труды – компиляция древних языческих заблуждений. Однако за Симоном пошли многие, его учение стало называться гностицизмом, но для нас важно то, что этот Симон, став христианином, открыл в себе невиданные силы... Говорят, эту статую сотворил за одну ночь непрерывной молитвы! И с той поры статуя охраняет край от нечистого колдовства, от нежити... Более того, годы идут, а мощь Каталаунской Девы только растет. Нечисть начинает скулить и пятиться, едва вступив во владения короля Барбароссы!

Впереди народ поспешно переходил на другую сторону, а там ускорял шаг, буквально размазываясь по стене. Все спешили миновать некое опасное место. Выглядело комично, улочка узкая сама по себе.

Под стеной дома сидит, греясь на солнышке, древняя старуха. Редкие седые волосы падают на спину и плечи, лицо сморщенное и темное, как у яблока, что пеклось на углях костра.

Мы не стали переходить на другую сторону, старуха подняла голову и вперила в нас взгляд. В животе у меня ойкнуло, Кадфаэль осенил старуху крестным знаменем.

– Герои, – пробормотала старуха, – сильные... Отважные... За одну монетку предскажу, когда вас убьют...

Кадфаэль перекрестился сам, а я понял, почему народ жмется к другой стороне, когда старуха выходит погреться на солнце. Все мы хотим думать, что только мы можем других по голове, а нас – никто, хотя вообще-то понимаем, что в действительности не совсем так, как на самом деле.

– А кто убьет? – спросил я.

– И это предскажу, – ответила старуха. Посмотрела на меня и добавила: – Еще за монету.

– За обоих?

– За каждого, – ответила она живо, уже почуяв, что перед ней не самые бедные на свете. – Разве такое не стоит?

– Да как сказать, – пробормотал я. В кармане горсть мелочи, я на ощупь выудил четыре монетки, бросил старухе. Она оживилась, увидев чистейшее серебро. – Начни с монашка...

Старуха не стала вытаскивать колдовские принадлежности и даже просить показать ладонь, просто взглянула на Кадфаэля и сказала коротко:

– Его убьет высокий человек с очень черными волосами. Брови у него густые и сросшиеся на переносице. Один глаз ярко-голубой, даже ярко-синий, другой – коричневый. Он – самый опасный наемный убийца в своих землях...

– Ого, – сказал я без всякого интереса, – теперь понятно, почему люди переходят на другую сторону улицы. Тебе и гадать не надо, сразу все видишь... Кому такое понравится? Ну а когда это произойдет? Если моего друга убьют лет через пятьдесят....

– Его убьют уже в этом году, – прервала старуха без всякого почтения к моим золотым шпорам. – Только не знаю, здесь ли.

– А где?

– Не знаю. Может, и здесь. Я вижу только, что солнце сияет ярко, а люди одеты богато.

Кадфаэль не дрогнул лицом, смиренно пробормотал, что все в длани Божьей, а старуха обратила пронизывающий взор на меня. Я выждал, спросил с любопытством:

– Ну что?

Она отшатнулась.

– Ты... ты кто?

– Хотя что-то видишь?

Ее глаза в страхе расширились, она прижалась к стене, будто сама хотела вжаться или размазаться, темное лицо посерело, губы задрожали.

– Я вижу... вижу... облако...

Я ждал, Кадфаэль бросил на меня подозрительный взгляд, спросил быстро:

– Какое? Сверкающее или же темное, грозное?.. Блеск ангельской славы или адские сполохи ада?

Старуха плотно зажмурилась и затрясла головой.

– Уходите. Уходите! Я этого не вынесу! Уходите!!!

Она закричала, я подхватил Кадфаэля и утащил. Смертный час старухи близок, но не хочу, чтобы старушка скончалась из-за нас. Кадфаэль оглядывался, бормотал молитву. Там остановился народ и пугливо смотрел нам вслед.

Когда мы свернули за угол, я сказал трезво:

– Кадфаэль, слушай внимательно. Высматривай высокого человека с черными волосами и сросшимися на переносице бровями. Его распознать легко: не так часто можно встретить человека, у которого один глаз ярко-синий, а другой – коричневый. Как увидишь, сразу же скажи мне. Лучше, конечно, если убьешь сразу сам, но, боюсь, станешь сопли жевать...

Он посмотрел с укоризной, я не часто бываю таким грубым, спросил тихо:

– А насчет облака... она права?

– Я закрыт нашим паладинским щитом, – ответил я, – чтобы те, кто ниже по рангу, не подглядывали. Потому старуха и увидела только защитное облако. Но уже то, что увидела, заставляет слушать ее серьезно! Берегись человека, у которого один глаз синий, а другой – коричневый.

– Брат паладин...

Он запнулся на полуслове, в сторонке идет смиренно монах в сером балахоне, пояс подвязан скрученной веревкой, концы свисают на правую сторону. Он коротко взглянул на нашу сторону, мы его не заинтересовали, но брат Кадфаэль метнулся к нему, как серая молния, ухватил за рукав. Они заговорили, слов в гаме и уличной сутолоке я не слышал, на вскоре Кадфаэль вернулся ко мне, на лице смущение с ликованием вперемешку.

– Брат паладин, – сказал он торопливо, – вы простите, что я вас оставляю... на какое-то время. Здесь капитул монахов из ордена доминиканцев. Я о них уже говорил. Меня смущают некоторые особенности их Устава...

– Это что ж, – спросил я, – и ночевать не придешь?

– Дружеская беседа может затянуться далеко за полночь, – ответил он уклончиво.

– Ладно, – согласился я, – но когда будут сильно бить, лучше беги – хорошо? А то знаю я ваши ученые диспуты...

Он покраснел, ответил застенчиво:

– Этим грешат больше приверженцы логики... А мы, теологи, стараемся сообща докапываться до сути. И еще, брат паладин...

Он посерьезнел, даже потемнел лицом.

– Ну что, – спросил я, не дождавшись продолжения, – не трусь, говори! Что еще за напасть впереди?

– Да ее можно избежать, – ответил он уклончиво. – Даже надо избегать. Все-все проходят мимо, не подозревая, что совсем рядом затаилось нечто дьявольское... Но оно спит, постепенно разрушается, вот и слава Богу... Я не хотел говорить тебе, брат паладин... и не сказал бы, но страшусь неугомонности твоей натуры, что обязательно сунет голову в петлю дьявола...

– Ну-ну, – сказал я успокаивающе, – не такой уж я и дурак! А если и дурак, то пока что не круглый. Где ты видел, чтобы я совал голову? Когда надо, я брал ноги в руки и убегал, хоть это и несовместимо с рыцарским званием. Говори, чего мне надо избегать?

Он колебался, сказал тяжелым голосом:

– Постоялый двор. Говорят, в старые времена он вмещал столько народу, сколько приезжало. Сам постоялый двор все перестраивается и расширяется, но главное здание, где ночуют гости, осталось с очень давних времен. Настолько давних, что никто и не помнит. Дохристианских, сэр Ричард!

Он сказал это с таким ударением, что я не стал напоминать, что церковь все-таки признала «своими» Аристотеля, Сенеку, Платона, Пифагора и других мыслителей древности, не стала помещать их в ад, как не знавших учения Христа, а это есть намек на то, что не все из прошлого обязательно отвергать и любую находку затаптывать в пыль.

Я свистом подозвал Пса.

– Ко мне! Сидеть. Сидеть, я сказал!.. Вот так. Теперь слушай, что тебе скажет сюзерен. Иди с ним, понял?.. С нашим братом Кадфаэлем, ведь он и тебе брат, ибо все мы братья и одной группы крови, если верить святому Киплингу... А когда приведет тебя на место, запомни и беги ко мне. Отыщешь, я буду на постоялом дворе. Если не знаешь, что это, ищи по запаху. Я хочу знать, где наш друг остановится. Так, на всякий случай.

Кадфаэль погладил Пса по лобастой голове, Пес слабо вильнул хвостом, умные глаза не отрывали взгляда от моего лица. Я улыбнулся.

– Выполняй!.. Э-э... оба выполняйте.

Я проследил, как они все втроем: Кадфаэль, бенедиктинец и мой Пес – удалились, первые двое сразу начали беседовать, как родные братья, Пес степенно шел рядом, даже не смотрел по сторонам, у него задание. Церкви, мелькнула мысль, кое-что удастся для объединения двуногого зверья в человеческое стадо.

Глава 5

Улица изгибается, как шланг, иногда сужается, двум всадникам разъехаться не просто. А в местах, где расширяется, как сытый удав в районе желудка, неизбежный рынок с крохотными лавчонками, передвижными лотками и множеством товаров, разложенных прямо на земле под стенами домов.

Трое рыцарей двигаются по рыночному ряду нам с Зайчиком навстречу, как сверкающие под солнцем айсберги, а серая шушера простолюдыя прилипает к стенам, освобождая дорогу поспешно и суетливо. За рыцарями так же горделиво и напыщенно идут оруженосцы, молодые и поджарые, из тех, кто не просто служит, а выслуживается в рыцари, а еще вроде бы целая толпа слуг и прочей челяди с мешками, куда складывают покупки.

Я заранее отодвинулся к лавочке со старинными вещами, разглядывать прохожих в упор – простолюдыя, а мне надо привыкать к сеньорству. На широкой доске, заменяющей прилавок, разложены изъеденные ржавчиной вещи, некоторые вообще невозможно узнать, но продавец клятвенно уверял, что это и самое древнее, и самое волшебное, и вообще самое-самое, что в умелых руках сеньора...

– Эй, – раздался за спиной сильный уверенный голос, – этот человек мне кого-то напоминает...

– Кто? – ответил второй голос. – Этот?.. Да, ты прав...

В голосе звучало недоумение, я медленно обернулся. Два рыцаря остановились, рассматривают меня. Третий прошел было дальше, но, увидев, что остался один, остановился, повернулся и стал смотреть в нашу сторону. Оруженосцы и челядинцы остановились тоже.

Я наблюдал молча, ожидая, что дальше. Рыцари не понравились, слишком уверенные в движениях, лица наглые, типичные сынки богатых баронов из провинции. Вообще-то здесь это не считается наглым выражением, это как раз благородное, когда как бы смотрят свысока, сразу подчеркивая дистанцию от всяких там двуногих, простых, от черной кости. Но во мне сразу закипает, когда на меня вот так не смотрят даже, а взирают.

Средний, самый крупный и широкомордый, смотрит со злым прищуром, льняные волосы падают на плечи красивыми прядями, грудь широка, на панцире выдавлен оскаленный лев с задранной хвостом. Двое по бокам моложе, но не уступают ни в росте, ни в размахе плеч, разве что лица тоньше, аристократичнее, без боевых отметин, в то время как у старшего одна бровь разделена белым шрамом, а на щеке багровый вздутый рубец.

– Ну и кого же я вам напоминаю? – спросил я холодно и, подражая им, надменно вскинул подбородок.

Старший проговорил медленно:

– Вора.

Я помедлил, эти трое напрашиваются на ссору, им не терпится пустить хоть кому-то кровь из носа еще до начала турнира. С тремя мне не совладеть, если не прибегать к молоту, но за него хвататься поздно: подошли вплотную, к тому же слишком близко их оруженосцы. А это уже почти молодые рыцари, да и челядь обычно вооружена ножами, дубинами, палицами.

– Вот как? – спросил я. Внутри меня уже закипело, я изо всех сил давил ярость, нельзя, чтобы именно я выглядел начавшим ссору. – И чем же?

Старший помедлил, выбирая оскорбление, рыцарь справа выпалил:

– Всем!.. Краденые доспехи, краденый меч!..

– А лошадь? – спросил я.

Он переспросил:

– Что... лошадь?

– Лошадь, – повторил я, – не краденая?

– И лошадь краденая, – сказал он громко. – И весь какой-то краденый.

– Наверное, беглый раб, – предположил рыцарь слева, в то время как средний рассматривал меня с насмешливым презрением. – Надо проверить, нет ли на нем клейма.

Я притворился испуганным, спросил дрожащим голосом:

– Чего вы от меня хотите?

Все трое улыбались зло и насмешливо, придвинулись, даже чуточку зашли с боков, не давая мне сбежать, а рыцарь справа протянул руку и ухватил меня за ворот камзола.

– Надо проверить...

Я ударил его в лицо, торопливо развернулся и, держа глазами старшего, быстро саданул второго, что зашел слева. И лишь тогда торопливо отступил и успел выхватить меч. Старший отпрыгнул с легкостью большой кошки, в его руке тоже блеснула длинная полоса стали. Он хищно пригнулся, но не бросился сразу, глаза быстро перебежали с одного соратника на другого, обоих шатает, как деревья в бурю, кровь хлещет, словно из недорезанных свиней. Один слепо шагнул вперед и завалился через мешки с репой, второй взвыл тонким голосом, закашлялся, выплевывая зубы со сгустками крови.

Мой меч пускал солнечные зайчики в глаза старшему.

– Ну что, тупая жирная тварь, – произнес я. – Кого я тебе напоминаю, свинья?

Он бы отступил, но смотрят оруженосцы, челядь да и весь базар, побагровел, вскинул меч и ринулся с яростью берсерка. Я невольно отшагнул, двигается быстро, даже слишком быстро, словно и не доспехи на нем, а полотняная рубашка, парировал удары, поглядывал и на оруженосцев, на челядь, однако тех парализовал страх при виде их искалеченных господ. Рыцарь старался прижать меня к стене, лавке или к телегам, я отступал вправо и влево, мой меч непрерывно звенел, выдерживая удары, но те двое начали подниматься, один уже обнажил меч, я сделал ложный выпад и обрушил удар на плечо рыцаря.

Лезвие рассекло панцирь, несчастный вскрикнул, я дернул меч на себя и отскочил. Из глубокой раны хлынула кровь, меч выпал из его руки, в полной тиши громко звякнул о камни. Рыцарь, шатаясь, зажал ладонью левой руки рану. Двое его товарищей с мечами в руках застыли, потом попятились.

– Ну что, твари? – спросил я грозным голосом. – Сейчас вы меня разозлили... Сейчас я всех в капусту!!!

Я зарычал, сделал страшное лицо и затопал ногами. Оба, как испуганные воробьи, ринулись вдоль улицы, сбивая с ног прохожих. Вслед неслись оруженосцы и вся челядь, бросая мешки, чтобы легче бежать, улица наполнилась воем и криком, каждый слышал за спиной настаивающий топот и свист моего меча, что вот-вот раскроит череп.

Широкомордый побледнел, лицо постарело и обреченно вытянулось, под глазами повисли темные круги. Кровь широкими струйками выбивается между пальцами и стекает по груди и боку на ногу, заполнила сапог и начала переливаться на землю.

– Что, – сказал я все еще злобно, – первый парень на деревне, да?.. И в голову не приходит, что деревня-то махонькая?.. Эй, перевяжите рану дураку!

Я поймал за повод Зайчика, конь за это время сожрал кучу листьев из рук какой-то чумазой девчонки, и мы двинулись по опустевшей улице, где остались лишь подбирающие свое разбросанное добро торговцы. Во время этой нелепой схватки лишний раз убедился, что все эти сведения о необычайном умении рыцарей владеть оружием не то чтобы вранье или преувеличение, но, как бы сказать точнее, все познается в сравнении, а сравнивать можно только с себе подобными. В мое время любой перворазрядник легко побивает все олимпийские рекорды столетней давности, а если взять эти давние времена Средневековья, то я лишь в первые дни уступал рыцарям во владении оружием.

Все верно, с мечом в руке двигаюсь быстрее этих рыцарей, а они – профессионалы, дерусь лучше даже без особой учебы, просто за счет акселерации, спасибо этому непонятному явле-

нию... Теперь надо только не нагнеть, эти три дурака – хорошее предостережение. Ибо так же могу нарваться на кого-то, кто превосходит меня, как я превзошел этих самоуверенных идиотов.

На меня не посматривали с таким же почтением, как на тех троих, с большим изумлением смотрели на Зайчика, огромного и невозмутимого, а на меня если и поглядывали с некоторой уважительностью, то лишь из-за size.

Понятно, выгляжу бедным рыцарем уже потому, что без оруженосца и слуг. Похоже, я вообще здесь единственный, кого не сопровождает куча челяди. А без оруженосца так и вообще нет рыцаря, самому всю эту кучу железа не снять и, тем более, не надеть. Вообще, когда рыцарь отправляется в путь, его обязательно сопровождают также лучники, ибо тяжело-вооруженный рыцарь становится легкой добычей любого стрелка на быстроногом коне.

Да и хрен с вами, я вовсе не стремлюсь, чтобы на меня смотрели с почтением.

Оглядевшись, я внезапно подумал, что вообще-то я не один, кто не старается привлечь к себе внимание. Более того, эти люди вообще стремятся оставаться незамеченными. Прежде всего, монахи, что понятно, мирские заботы, все тлен, надо только о душе. Кроме того – ворье, эти съехались сюда с разных городов, у них свой турнир. И, кроме того... я осматривался, не в состоянии отделаться от навязчивой мысли, что есть еще одна категория людей, что не хотят быть замеченными.

В другом времени их бы назвали шпионами и террористами, но в сие простое бесхитрое время вроде бы и шпионы все такие, будто каждый носит на груди плакат с крупными буквами: «Я – шпион!», так что здесь нечто другое...

На одной стороне городской площади здание бургомистра, на другой... я вздохнул, в висках простучало чечеткой: вон он, Юг... Пусть до настоящего Юга еще далеко, но дыхание другого мира вот оно: настоящее чудовище, а не постоялый двор: трехэтажное каменное здание, плюс цокольный этаж, ворота широкие, массивные, из толстых досок, обитых железом так, что металла больше, чем дерева.

В распахнутые ворота постоянно въезжают и выезжают как повозки и телеги, так и верховые, я успел увидеть сразу пятерых рыцарей, что уже само по себе немало, рыцари – товар дорогой и потому штучный, не ходят, как гуси, стаями.

Слуги и помощники поваров быстро разгружают подводы с дичью, рыбой и вообще съестными припасами, из кузницы и оружейной несутся удары молотков по железу, из распахнутых ворот конюшни пахло ароматом свежего сена и таких же свежих каштанов. На двуколке парнишка бегом провез к главному входу целый груз новеньких свечей, ну и размах, мелькнуло у меня, везде суета, по двору носятся и кричат сорванными голосами многочисленные оруженосцы, слуги, челядь.

Для солидности я вскочил в седло, мы проехали через этот длинный проход, где спереди и сзади могут опустить железные решетки и легко захватить в плен, прямо как в замке, дальше обширный внутренний двор с колодцем и повозками, их не меньше сотни, заняли половину двора. Невысокое крыльцо ведет к зияющему входу в гостиницу, под жилье отведен наверняка весь этот корпус, как и два примыкающих, а из окон четвертого полыхает огонь, вырываются клубы черного дыма, доносится стук молотов. Из других окон тянет запахом свежего хлеба, подвозят выделанные кожи, а крепкого вида ребята выносят части доспехов... Отдельно построена лавка, где на длинном прилавке разложено все, что может понадобиться странствующим: от иголки и ниток до самого лучшего оружия.

Я осматривался с седла, но двор настолько велик, что через него никто не бежит ко мне и не хватает коня под уздцы, пришлось слезть и, ведя Зайчика в поводу, топать в сторону конюшни. В той стороне как раз из роскошной коляски выбрался с помощью пышно одетых слуг грузный человек в высокой золотой митре и в красной кардинальской мантии, богато украшенной золотом, встал, опираясь на длинный посох, увенчанный золотым знаком вопроса

размером с половину головы. Я рассмотрел шипастую змею со злобно распахнутой пастью, шипами служат драгоценные камни, сам посох выше церковного иерарха на пару футов, что наверняка что-нибудь да символизирует. У церкви, как у любой религии или партийной доктрины, все исполнено тайных знаков.

Я благочестиво поклонился, голова не отвалится, а человеком он может быть вполне хорошим, о каждом незнакомом нужно думать как о хорошем, пошел к раскрытым воротам, откуда пахнет свежим сеном и ароматом конской кожи.

Из темных врат вышел, щурясь, рослый, хвастливо усатый рыцарь в серой помятой шляпе с остатками пера и в выгоревшей тунике, когда-то голубой, сейчас серой, брюки тоже серые, как и сапоги – старые, растоптанные, но с золотыми шпорами. На широком поясе – мизерикордия, правой рукой рыцарь красиво и надменно опирается на меч, португеза добротная, но тоже старая, кожа потрескалась от жары и сухости. Он сразу же вперил в меня настолько злобный взгляд, что я опешил, голова заработала в бешеном темпе, стараясь припомнить, когда же это я ему наступил на ногу или перешел дорогу.

Он выпрямился, расправил плечи и пошел, как петух, едва не приподнимаясь на цыпочки. Лицо почти красное, какое бывает у блондинов, слишком много бывающих на солнце. Нос облуплен, губы полопались то ли от жары, то ли от кулака, только усы горделиво задирают кончики кверху, свежие и новенькие, в отличие от поношенной одежды. Такие я видел только на портретах Петра Первого.

Я замедлил шаг, чтобы не столкнуться, но он остановился и сказал резким, неприятным голосом:

– Сэр, вы оскорбили меня, злонамеренно перейдя дорогу!

Я даже растерялся от такой наглости.

– Я?

– Да, – ответил он резко. – Вы!.. А я, клянусь своим именем, которое ни разу не запятнал трусостью или отступлением, заставлю вас извиниться!

– Сэр, – сказал я, – и в мыслях моих не было переходить вам дорогу. Пожалуйста, следуйте своим путем!

Он еще больше привстал на цыпочки, перекатился на пятки и обратно, вид донельзя задиристый. Я вдруг понял, что его так раздражает во мне: он высок, но я выше, он широк в плечах, но я шире, он одет крайне бедно, а по мне видно, что не бедствую.

Он опустил ладонь на рукоять меча.

– Если вы не сразитесь со мной здесь и сейчас... я назову вас подлым трусом!

– За что? – ахнул я.

– За то!

Он выпятил грудь и выкатил глаза, крупные, круглые, и без того уже выпученные, как у жабы. Одной рукой крутил ус, пальцы другой теребили рукоять меча.

Я покосился по сторонам, народ быстро отступает, мы уже на пустом пяточке, а люди отодвигаются еще дальше, чтобы никто из нас не задел мечом. На лицах жадное ожидание, глаза блестят, всегда приятно смотреть, как дерутся, как льется кровь.

За архиепископом выстроились церковные чины, двинулись величаво через двор, будто крестный ход. Рядом на рослых конях рыцари во главе с пышно одетым вельможей. У меня вспыхнула надежда, что вмешаются и остановят дурацкую схватку, но медленно продвигаются мимо, только архиепископ бросил в нашу сторону крайне неодобрительный взор.

– Ах, доблестный сэр, – сказал я просительным тоном, – мне так не хочется умирать на голодный желудок! Может быть, мы сперва хотя бы пообедаем?

Глава 6

Усач опешил на миг, в глазах мелькнуло сомнение, затем лицо побагровело так, словно вся кровь собралась в этой на глазах разбухающей морде, он прокричал:

– Доставайте меч, сэр!.. Или я вас разрублю, как гнилую дыню!

Я помедлил, никакие слова не идут на язык, наконец сказал первое же пришедшее в голову:

– Знаете, благородный сэр, я покорный слуга церкви, вынужден подчиняться ее уставу, а еще больше – Уставу братства. Нам запрещено обнажать оружие или каким-то иным образом сражаться с христианскими рыцарями без особой необходимости...

Рыцарь опешил, рука на кончике уса застыла, а другая как начала вытаскивать меч из ножен, так и остановилась на полдороге. Толпа тоже замерла, смотрят, как на оживший скелет: с моим ростом и сложением чем еще заниматься, как не драться. Даже всадники придержали коней. Архиепископ остановился, грузно развернулся в нашу сторону. Церковные чины тоже застыли, архиепископ воскликнул:

– Господи, благодарю тебя за первый хороший знак за сегодняшнее утро!

Он довольно проворно подошел к нам, усач поспешно поклонился, архиепископ обнял меня, расцеловал в обе щеки.

– Видите?.. – провозгласил он громогласно, повернувшись к всадникам. – Доблестный рыцарь подает вам пример истинно христианского смирения!.. На фоне его кротости и целомудрия этот сэр, да простят мне присутствующие, выглядит как задиристый петух! Даже не петух, а молодой петушок, петушишка.

Послышались смешки, усач в самом деле походит на задиристого петуха, правда, сильного и воинственного петуха. И хотя только что все были на его стороне, понимая и оправдывая, после слов архиепископа ощутили некое мальчишество в речах и поведении вроде бы взрослого мужчины.

Архиепископ повернулся ко мне.

– Сын мой, ты отвечаешь со смирением, обуздывая свою гордыню. Это говорит о твоей мудрости и благородстве...

Он умолк на миг, я поклонился и вставил:

– Не о моей мудрости, а о моих наставниках.

– Прекрасно сказано! – воскликнул он. – Кто они, эти святые отцы?

– Если говорить о замке, – ответил я, – где впервые получил наставления о мудрости, это крепость Зорр, там со мной вели беседы отец Совнарол, Великий Инквизитор отец Дитрих, а вот в паладины меня посвятили в крепости Кернель...

Наступило молчание, затем послышалось бормотание. Теперь на меня смотрели иначе, я уловил во взглядах все оттенки, начиная от уважительности и заканчивая брезгливым сожалением. Так смотрят на безногого калеку, ползущего в пыли. Паладин, при всех его достоинствах, слишком связан обетами и условиями. Вообще про паладинов известно мало, всем куда интереснее люди, которые пьют, дерутся, грабят, насилюют, захватывают, получают награды и почести, а паладины слишком уж безгрешные, чтобы их деяния вызывали хоть какой-то отклик в душах простонародья.

Наконец-то подбежал слуга, ухватил повод моего Зайчика. Зайчик посмотрел на меня, я кивнул, Зайчик пошел за слугой вовнутрь конюшни.

Усач сделал шаг вперед, коротко поклонился.

– Сэр Смит, – представился он хриплым пропитым голосом. – Ридли Смит. Сожалею, не знал, что... словом, прошу принять мои самые искренние сожаления. Я бы счел за честь

в искупление своей вины угостить вас вином и обедом, но не уверен, что в этом заведении найдутся акриды...

Я учтиво поклонился.

– Принимаю ваши извинения, сэр Смит. Насчет акрид не беспокойтесь. Здесь отыщется все, что устроит скромного паладина.

Он в свою очередь изысканно раскланялся, с некоторым опозданием снял шляпу и пома- хал ею с таким видом, словно сметал пыль с моих сапог, затем отступил и дал мне возможность пройти в зал, откуда мощно валят, разжигая аппетит, запахи жареного мяса, яичницы, горо- хового супа, гречневой каши.

Если бы не сэр Смит, я бы остановился на пороге, ошеломленный развернувшейся карти- ной. Это не комната, где обычно едят постояльцы, даже не уютный зал, каких я успел повидать, это настоящий комбинат по накормлению сотни, если не больше, дюжих мужчин, что жрут мясо, как слоны траву. Дальний конец обширного помещения так и не разглядел из-за плава- ющего дыма и овеществленных ароматов жирной горячей ухи, гороховой похлебки, супов из разварных круп, жареного мяса, печеной птицы, рыбы и ящериц.

Вдоль всего кормежного цеха идут столбы, поддерживая потолок, последний я различил весьма смутно, но за ним вроде бы мелькают фигуры, похожие на привидения. Столы в три ряда, выстроенные, как танки для парада, тянутся в бесконечность. Между столами бегают молодые парни, худощавые и шустрые, у каждого в руках поднос, на две-три тарелки прихо- дится обычно большой кувшин вина.

Все, как один, едят и пьют с такой жадностью, словно только что совершили марш-бросок через пустыню. Рыцарей не меньше трети, они в той части, что ближе к камину, остальное место занято оруженосцами и старшими слугами, выглядят достаточно богато, в моих бедных краях их приняли бы за герцогов.

– Хорошо, – выдохнул я. – Теперь понимаю, почему, когда рыцари с вечера собираются заморить червячка, с утра голова прямо разламывается.

– У меня не болит, – отозвался из-за спины сэр Смит. – У меня голова такая.

Я не стал уточнять, пустая или, напротив, монолитная, пошел к свободному столику, сэр Смит догнал и, сильно и неожиданно покраснев, пробормотал так глухо, что я едва разобрал:

– Сэр Ричард... Должен предупредить, у меня не найдется чем заплатить за обед.

Я ответил так же вполголоса:

– Забудьте о таких пустяках.

– Мой долг предупредить, – почти прошептал он. – Я... словом, я поиздержался.

К моему удивлению, к нам вскоре подошел не один из бегающих с подносом мальчи- ков, а дородный мужчина, осанистый, с цепкими глазами, уверенными движениями. Сэр Смит крикнул и приосанился, горделиво расправил усы. Я быстро сообразил, что это для абсолют- ного большинства я простой бедный рыцарь, у которого нет средств даже на покупку хороших доспехов, но хозяину постоялого двора нужно лучше разбираться в людях, чем этому абсо- лютному большинству. Он мог нас заприметить еще с порога, что-то там сообразил по нашей манере двигаться, и вот сейчас, не обращая внимания на раздувшегося от чувства достоинства сэра Смита, поклонился мне со всей почтительностью, будто перед ним переодетый король, не спросил, а осведомился:

– Что угодно благородным господам?

Сэр Смит взглянул на меня с вопросом в глазах, опасаясь заказать такое, что оскорбит паладина. Я кивнул хозяину:

– Молочного поросенка с зажаренными перепелами внутри, дроздов в виноградном соку, пару молодых каплунов... вина не забудь самого лучшего!

По мере моего заказа у Смита все шире распахивались глаза, нижняя челюсть отвисала, а хозяин, напротив, смотрел с восторгом, но вдруг словно туча набежала на его лицо, прерывисто вздохнул, поклонился.

– Только что прибыл архиепископ Кентерберийский. Он очень строг...

– И что же? – спросил я.

– Сегодня же четверг, – напомнил он, – постный день... Придется убирать все мясное, что сейчас жарится и парится.

– Ах да, – ответил я. – Конечно же, четверг! Но я – паладин, как может подтвердить сэра Смит, он сидит напротив. А у паладинов особые правила. Неси, архиепископ не будет против, даже если увидит.

Когда подали на стол, сэра Смит с сомнением смотрел, как передо мной ставят на огромном блюде зажаренного поросенка, даже не поросенка, а упитанного молодого кабанчика. Запахшибанул одуряющий, в животе требовательно квакнуло. Сэр Смит нервно облизнул губы. Поросенок покрыт золотистой корочкой, кое-где коричневой, в двух местах лопнула, из щелочек бьют тонкие струйки одуряющего запаха и проглядывает нежнейшее мясо.

– Сэр Ричард, – сказал он несмело, – но...

– Не мешайте, – прервал я. Нахмурился, сделал строгое лицо, перекрестил поросенка и сказал ясным голосом: – Именем Господа перекрещаю поросенка в карася!.. Спасибо тебе, Господи.

Смит непонимающе смотрел, как я, вооружившись двумя ножами, сделал первый надрез. Корочка затрещала, как молодой ледок, струйка пара пшикнула к потолку, ароматшибанул в ноздри, нежнейшее мясо начало распадаться под острым лезвием на ровные лакомые ломти.

– Сэр Ричард, – сказал он несмело, – но это же... все равно поросенок!

– Разве?

– Убей меня Бог, но, сколько ни смотрю, все равно поросенок, а не карасенок!

Я покачал головой.

– Не совсем. Вы, сэра Смит, не совсем понимаете суть святого таинства. Когда причащаетесь, ведь не пьете же в самом деле кровь Христову и не едите его плоть, хотя именно так сказано в Писании?... Так и здесь. Неважно, что это не рыба, но если я, паладин, сказал, что это рыба, то это рыба!.. Вера двигает горами, сэра Смит. Впрочем, вы можете есть постное... даже акрид, если уж на то пошло, хотя одна акрида обойдется вам в десяток таких вот поросят. А одной акридой, даже если она акридища, не накормить и котенка. У которого, как известно, желудок с наперсток, но когда гадит... не за столом будь сказано.

Он колебался, я подцеплял на острие ножа истекающие сладким соком ломти и отправлял в рот. По его горлу всякий раз прокатывался огромный ком, кадык нервно дергался, лицо из красного стало бледным, словно в желудке начались голодные спазмы.

– Сэр Ричард... – проговорил он задумчиво, – а эта карасячьность относится и ко мне?... Или только для вас это постная рыба...

– Для всех, – заверил я твердо. – Впрочем, я не настаиваю. У каждого свои принципы...

Я не договорил, его руки замелькали в таком темпе, что я видел только смазанные движения. Поросенок начал таять, уменьшаться, исчезали и коричневые комочки обжаренных в масле и сухарях перепелов. Сперва Смит глотал мясо, как удав, потом начал торопливо пережевывать, это было похоже, как если бы сторала промасленная бумага, наконец начал запивать вином, это уже значило, что первый голод утолил, теперь пришла очередь аппетита.

Хозяин посматривал в нашу сторону опасливо, взмахом руки посылал сменить блюда, убрать пустые кувшины вина. От других столов посматривали в нашу сторону завистливо, многие слышали мою громкую молитву, пересказали ее соседям, но, увы, даже священники не обладают правом превращать скоромную пищу в постную.

– Вино, – сказал я благочестиво, – лучшее доказательство того, что Бог существует, любит нас и хочет, чтобы мы жили счастливо.

– Аминь, – ответил сэр Смит и перекрестился. – Как жаль, что большинство этого не понимает, сэр паладин.

– Увы, – вздохнул я, – человек был создан в последний день творения, когда Бог уже утомился.

Сэр Смит распустил пояс, лицо постепенно принимает прежний цвет обожженного кирпича, кончики пшеничных усов приподнялись еще задиристее, с наслаждением пригубил вина.

– Да, – произнес он с чувством, – что-то в паладинстве все-таки есть... Значит, вам дано больше, чем священникам?

– Нет, – пояснил я, – священники – многоборцы, а паладины – узкие специалисты. Мы сражаемся во имя Господа не проповедями, а мечом, потому нам нужно есть мясо и пить доброе вино, дабы рука крепче держала поводья и оружие. А в остальном священники, конечно же, круче. В смысле, они могут многое, а паладины обходят их на полкорпуса только по воинским дисциплинам.

Он оглянулся по сторонам, взгляд упал на столы, заставленные постной пищей, обежал унылые лица.

– Мне повезло, – сказал он с чувством. – Я вел себя как дурак, а вместо этого сейчас вот сижу и ем такого чудесного... чудесную рыбу!.. Да-да, карась, карась. Какие плавнички, какие перышки!.. И совсем без костей. Хочу объяснить, сэр Ричард, я не такой уж и забияка, но пришлось заночевать в степи почти в виду стен Каталауна – захромал конь. Всю ночь вокруг костра были и шастали волки, я бегал с горячей головней и отгонял их от лошади. Затем на въезде в город отобрали последние монеты, сволочи, по дороге к постоялому двору срезали кошель... хоть и пуст, но обидно, кошель красивый, подарок одной знатной дамы... жаль, незамужняя, пришлось смываться. Во дворе толкнул конем какой-то невежда в синем плаще... найду, изувечу!.. а я, отступив вежливо, вляпался обеими подошвами в такое вонючее... не за столом будь сказано, что полчаса мыл и чистил сапоги... а тут и вы такой чистенький, что сразу кулаки зачесались...

– Надеетесь на победы? – спросил я прямо.

Он ответил, не задумываясь:

– Ради того и приехал. Первый приз, понятно, не получу, но могу же сшибить хотя бы парочку знатных рыцарей?.. И захватить их коней, а то и их самих?.. Мне, знаете ли, сэр Ричард, выкуп очень не помешал бы. Даже очень! Скажу честно, последний раз я ел трое суток тому, а подъезжая к Каталауну, уже готов был грызть кору на дереве. И когда этот спросил, что мы будем кушать, я ему чуть в лоб не двинул!

– За что?

– За издевательство! Кушать я хотел трое суток тому, есть хотел вчера, а сегодня с утра жажду просто жрать. И даже сейчас, когда вроде бы набил брюхо таким... такой чудесной рыбой, так и хочется нажраться на пару суток вперед.

– Не стоит, – мягко сказал я, – у меня с этим все в порядке.

Он отпил вина, лишь потом насторожился.

– Тоже что-то от паладина?

– Да, – сказал я. – Господь видит, кому золото ни к чему... тому и дает. Я прибыл сюда не за победами, сэр Смит. Так что можете меня исключить из числа соперников за первое место. Меня интересует сам Каталаун... ну, еще всякое разное, связанное с этими местами...

Он допил вино, сделал знак пробегающему мальчишке, лишь потом взглянул на меня виновато. Я кивнул, разрешая, и сэр Смит сказал с воодушевлением:

– Почему Каталаун?.. Здесь когда-то отгремела одна из величайших битв... Земля пропиталась кровью, овраги заполнило до краев, ручьи вышли из берегов, а река две недели несла

к морю красные воды... Вообще-то битвы здесь, если верить уцелевшим летописям, случались часто, очень уж место удобное, как будто нарочито созданное природой под арену: с востока и с запада поросшие лесом холмы, там удобно размещать и прятать войска, но последняя битва запомнилась еще и последствиями...

– Я слушаю, слушаю!

– Север понес огромные потери, но и Юг захлебнулся собственной кровью. С тех пор наконец-то установилась некая линия...

– Линия?

– Ну, шириной в два-три королевства, если быть точным. Их называют пограничными. По эту сторону – Север, по ту – Юг.

Сердце мое забилося чаще. Каталаун, судя еще по рассказам брата Кадфаэля, как раз в середине этого карантинного пояса, вроде пряжки. По ту сторону – проклятый Юг, царство Дьявола, как уверяет церковь, по эту сторону – северные королевства, где власть церкви если и не абсолютна, то достаточно крепка.

Во всех северных королевствах церковь настаивает, чтобы рыцари вместо греховных турниров направили свой пыл и силы на Крестовый поход против Юга, однако абстрактный Юг вообще-то мало интересует тех, кто не привык заглядывать дальше соседского забора. В мое время подлинный героизм был оттеснен. О нем постарались забыть, а на щит подняли имитаторов героизма: каскадеров, скалолазов, прыгателей с мостов и заводских труб на резиновых канатах, спортсменов-профи, которые приходят в ужас при виде своего порезанного пальчика, но средствами массовой информации настойчиво преподносятся как настоящие мужчины, современные герои.

Здесь же о турнирных победах мечтает каждый рыцарь, но что-то мало таких, кто готов отправиться на Юг сражаться за веру, за продвижение идей Святой Церкви. Конечно, когда созревают какие-то там подходящие условия в обществе, да плюс находится пламенный оратор вроде Совнаролла, Гитлера или Муссолини, то удастся всколыхнуть христианский мир и направить бурлящую энергию на продвижение святой веры, в остальное время удачливый турнирный боец привлекает больше внимания и восторгов, чем борец за христианство. Все то же самое, как с нашими зарабатывающими миллионы долларов братьями Кличко, футболистами, теннисистами, предпочитающими получать хорошо оплачиваемые удары на ринге, но не на границах России.

Хотя... может быть, это и правильно? Если бы еще Юг не посылал свои войска против Севера, вообще можно было бы существовать двум сверхсистемам. Сосуществовать, как сказали бы, в дуополярном мире.

А сэр Смит, понизив голос, сказал таинственно:

– Я слышал, прибудет сам Уильям Маршалл!

Я поинтересовался:

– А кто это?

Он отпрянул, чуть не опрокинувшись вместе с лавкой. Глаза выпучились, как у рака.

– Сэр Ричард, вы здоровы?

– Да, а в чем дело?

– Но вы не знаете, кто таков... кто таков Уильям Маршалл!

В его голосе был такой ужас, как если бы я в своем дворе не знал, что чемпион «Спартак», а не «Динамо» и что наших на Олимпиаде засудили, а то бы все медали были у нас.

– Лучший турнирный боец? – спросил я. – Сэр Смит, я прибыл из таких далеких королевств, где свои чемпионы. Конечно, вы правы, нужно знать сильнейших, чтобы знать, с кем надо сражаться с особым тщанием...

Он прервал:

– Он не будет сражаться, сэр Ричард! Ему уже семьдесят лет, руки его не поднимут копье. Однако своим видом напугает молодых и безземельных бойцов, что сам когда-то был бедным, безземельным и бездомным, у которого не хватало денег, чтобы купить даже меч... Но он только в одном из турниров пленил сто три знатных рыцаря и вернулся очень богатым человеком!.. И после того побеждал на множестве турниров.

На десерт нам подали домашние пироги с медом, удивительно крупные ягоды, свежие и благоуханные. Я вытащил и бросил мальчишке золотую монету.

– Это не плата, – объяснил я. – Это за скорость.

Круглая мордашка в веснушках расплылась в счастливейшей из улыбок.

– Спасибо! Спасибо, ваша милость!

Когда он унесся, почти вприпрыжку, сэр Смит сказал с неодобрением:

– Все-таки зря разбрасываетесь золотом, сэр Ричард. Это ж не медная монетка, даже не серебро. На нее можно купить табун коней!

– Все в порядке, – успокоил я. – Отец все видел, он сейчас отберет у сына денежку, все выпросит. И поймет, что нам нужно будет отыскать хорошие комнаты.

– Я уж и не надеюсь... Хотя бы в сарае или в конюшне отыскалось место.

– Допивайте вино, – посоветовал я. – Но особенно не налегайте, чтобы завтра никто не сказал, что вчера у нас был бой с пьянством и пьянство победило.

Глава 7

Из харчевни мы вышли с отяжелевшими животами, где булькает хорошее вино, что и не вино, если говорить правду, а едва-едва перебродивший виноградный сок, да и то перебродивший самую малость, так что в нем остались сладость и аромат именно сока.

Во дворе плывет густыми волнами крепкий запах множества коней. Слышится гневное ржание, звякает железо плохо подогнанных доспехов. Уже по всему постоялому двору торчат стяги и горделиво блестят щиты с оскаленными львами, медведями, кабанами, а также с орлами и грифонами, распростершими крылья.

Щиты развешаны даже над коновязью, а над входом в парадную дверь целая галерея самых красочных и блистающих: все те же львы, тигры, медведи, кабаны, гигантские волки – сложная система ориентирования в этом неграмотном мире. Не случайно эта громоздкая система уступила отпечатанным на хорошей бумаге визитным карточкам, что те же геральдические щиты с теми же оскаленными львами и кабанами в виде золотых букв и громких титулов, типа «генеральный менеджер», «старший консультант по финансам», «начальник юридического отдела»...

– А теперь пора поговорить с ответственным по заселению, – сказал я. – По идее, он должен был бы крутиться здесь, среди клиентов...

– Да вон тот, – подсказал сэра Смит. – Усами готов поклясться...

Среди богато одетых вельмож в самом деле появлялся и пропадал низкорослый, но широкий мужчина в добротной коже, на груди золотая цепь, означает какой-то статус в гильдии. Я шагнул в ту сторону, однако сбоку, услышав наш разговор, выдвинулся пышно одетый господин и ухватил меня за плечо.

– Эй, а ты куда прешь?

Я остановился, к своему удивлению ощутил, что сразу начал закипать. Здесь вот так ухватить за плечо считается оскорбительным жестом, но не стану же я придавать значение таким пустякам...

– Скотина, – ответил я, понизив голос, чтобы не услышали другие, – убери псевдоподию, а то оборву по плечо.

Он руку инстинктивно убрал, но лицо побагровело от гнева, раздулся, сказал громче:

– Простолюдины ночуют в сарае и на конюшне, понял?

Гнев ударил мне в голову, эта сволочь прекрасно видит, что я не простолудин, рыцарские шпоры позвякивают на каждом шагу, но видит и то, что за мной идет только приятель, а у него за спиной толпа гуляк и приятелей.

Я повел глазами в сторону, словно что-то увидел, даже брови вскинул, этот щеголь тоже невольно зыркнул в ту сторону, и в тот же миг мой кулак ударил ему в нижнюю челюсть.

Удар получился не совсем чистый, когда жертва только вздрагивает и кучей песка опускается на пол, щеголя бросило на его людей, они не удержали и повалились с ним вместе. Я отскочил, рука на рукояти меча. Сэр Смит тоже взялся за меч, глаза бросают взгляды по сторонам, оценивая обстановку. В нашу сторону шагнули сразу трое, один схватился за меч, но посмотрели на окружающих и тихо ретировались, другие орали и потрясали кулаками, в то время как большинство зычно хохотали, хлопали друг друга по спинам и указывали пальцами на упавших.

Те наконец поднялись на ноги, двое кричали и кивали в мою сторону. Еще двое поднимали на ноги щеголя, у него моталась голова, изо рта течет красная струйка, остальные молча отряхнулись и отошли в сторону.

Я постоял некоторое время, надо показать, что никого не боюсь, и, не убирая руки с рукояти меча, прошествовал к хозяину. Сэр Смит с шумом выдохнул за спиной, я слышал его шаги, по-прежнему прикрывает спину.

Хозяин уже спешил навстречу, поклонился издали, глаза с опаской измерили мой рост.

– Чем могу служить, мой господин?

– Две комнаты, – ответил я надменно. – Мне, смиренному служителю церкви, и моему другу.

Он вскинул брови.

– Две?.. Сколько человек ждете?

– Нас двое, – объяснил я терпеливо. – Но люди мы скромные, так что удовольствуемся по комнате на человека. Я дал обет смирения, потому избегаю апартаментов.

Он проговорил, запинаясь:

– Двое... двое?.. Ваша милость, но даже самые благородные рыцари живут по пять-шесть человек в комнате!.. У нас нет столько мест, чтобы разместить всех желающих.

Я нахмурился.

– Ты не знал, что будет турнир?

Он развел руками.

– Турнир бывает раз в году, а что все остальное время делать со свободными комнатами? Здесь не так часто проезжают богатые рыцари.

Сэр Смит покашливал, я посмотрел в его сторону. На что-то намекает, но сказать не решается, явно что-то сомнительное, я порылся в памяти, вспомнился разговор с Кадфаэлем на последнем привале, поинтересовался с подтекстом:

– Я слышал, что у тебя непростая гостиница.

Хозяин вздрогнул, поклонился еще ниже.

– У меня хорошая гостиница, – проговорил он умоляюще, – постояльцы уезжают довольные.

– Я тоже хочу уехать довольным, – прервал я. – Так что найди нам комнаты, понял?

Он развел руками.

– Ваша милость, умоляю простить меня, однако... ну нет свободных комнат, нет!

– Я слышал, – сказал я напористо, – что у тебя для не особо разборчивых клиентов находились свободные помещения. Всегда.

– Но сейчас не получится.

– Всегда, – повторил я, пристально глядя ему в глаза. – Почему сейчас не получится?

Он вздрогнул, поднял голову и взглянул мне в глаза.

– Ваша милость, мы живем на краю... всякие люди заходят, как благородные, так и не очень. Порой заходят совсем неблагородные. Я не могу ссориться ни с кем, иначе долго не проживу. Для меня все, кто входит в ворота, мои клиенты, хотя святой епископ и грозит отлучить меня от церкви.

Я кивнул.

– Вот это уже ближе. Вот тебе по золотому за меня и за моего друга. Дай нам именно те комнаты, которые ты предоставлял всяким негодным церкви людям.

Он вскрикнул:

– Ваша милость, но вы ведь христианский рыцарь! Слуга церкви!.. Вам нельзя...

– Я не просто рыцарь, – прервал я, – а паладин. Значит, мне можно. И никакая нечисть не совратит мою душу.

Он побледнел, я запоздало понял, что паладинство может выглядеть угрозой очистить те места, а то и вовсе лишит его куска хлеба, но раньше всех ситуацию понял сэр Смит, впервые заговорил, голос его звучал по-крестьянски рассудительно:

– Благороднейший из рыцарей сэра Ричарда не собирается мешать тебе заниматься своей работой. И когда мы уедем, все останется, как и прежде. Если мы что увидим, чего не стоит видеть, никому не расскажем. Да и зачем нам, понял?

– Верно-верно, – подтвердил я надменно. – Паладину надлежит быть смиренным... и не смотреть на то, на что смотреть негоже.

Хозяин наконец кивнул, вид испуганный и обреченный. Прошептал раздавленно:

– Идемте, сэр рыцарь...

Я ожидал, что поднимемся на самый верх, в какую-нибудь голубятню, где придется спать скрючившись и в голубином помете, однако хозяин повел в главное здание, прошли по коридору вдоль одинаковых дверей, я услышал пьяные вопли, крики, женский смех.

В конце коридора последняя дверь выглядит несколько иначе. Я не успел понять, в чем иначе, просто повеяло чем-то, как будто бы на кратчайший миг распахнулись просторы, мозг не успел их понять и даже увидеть, но седалищный нерв ощутил, он у меня чувствительнее, предостерег.

Хозяин вздохнул, в руке зазвенели ключи. Дверь открылась без скрипа, массивная, торец таинственно поблескивает металлом, хотя двигается легко. Из комнаты пахнуло... я бы даже не сказал, что слишком уж застоявшимся воздухом. Напротив, запах показался в какой-то мере приятным.

Мы все трое вошли в комнату, на диво просторную, с двумя столами, рядами кресел, на стенах картины в толстых рамах, два широких ложа размером с двуспальные кровати, на полу огромные шкуры непонятно каких зверей. И еще огромное зеркало на овальной раме в стене.

– А здесь мило, – сказал я громко.

Хозяин сказал пришибленно:

– Таким знатным сеньорам подошли больше бы покои... гм... не столь сомнительные. А это как будто пещера какая...

– Не хули святую церковь, – оборвал я сурово. – Хочешь сказать, что первые христиане, собиравшиеся в пещерах, были нехорошими людьми? Или святые отцы-пещерники, прожившие начало спелеологии, вели себя неправильно?.. Как будто не в пещерах был написан Новый Завет и прочие евангелия! А святые пещерники, будучи первыми диггерами, сохранили для нас кумранские летописи.

Он смотрел сперва ошалело, потом истово кивал, соглашался с каждым словом, жестом. Сэр Смит огляделся, нахмурился.

– Что-то не вижу святого распятия...

Хозяин вздрогнул и сжался, сэр Смит посмотрел на него гневно, потом на меня, ожидая поддержки. Я сказал надменно:

– Рыцарям церкви не нужны подтверждения в виде... в виде вещей. Мы носим веру в сердце! Этого достаточно.

Хозяин вздохнул с великим облегчением, попятился к двери.

– Ну, – произнес он с надеждой, – я могу вас оставить?

Я протянул ему две золотые монеты.

– Если понравится, получишь еще две. А пока что апартаменты выглядят неплохо.

Он поспешно схватил монеты и отступил за порог. Уже закрывая за ним дверь, я понял по его лицу, что это последние монеты, какие от меня получил. И что вообще никто меня больше не увидит.

Я проверил, хорошо ли закрыта дверь, повернулся, осматриваясь. Сэр Смит стоит столбом, я сказал нетерпеливо:

– Проснись! Неплохой номер, но я видывал и получше.

Он ахнул:

– По... получше?

– И намного, – ответил я и подумал, что этим апартаментам недостает хотя бы захудаленького домашнего кинотеатра, выделенки и хотя бы наладонника. Да и ванная здесь вряд ли с гидромассажем.

Сэр Смит с удовлетворением оглядел просторное помещение.

– А здесь неплохо!.. Правда, ни одного распытия...

Он перекрестился, с испугом оглянулся.

– Сэр Ричард, а здесь это можно?

– Нужно, – успокоил я. – Мы, как все культурные и цивилизованные люди западной цивилизации, не должны обращать внимания на религиозные воззрения всяких там местных недочеловеков. А если еще отыщем нефть...

Он с ожиданием смотрел, как я обошел и потрогал мебель, статуи, гобелены.

– Следы нечистой силы?

– Вроде бы чисто, – сообщил я. – Микрофонов не замечено. Впрочем, мы и не планировали оргии. Располагайтесь, сэр Смит! Ночи короткие, а утром вроде бы одиночные схватки?

Он заснул, а я лежал тихо, выжидая полночи. Если что и случается, то именно в полночь. Вряд ли сама полночь что-то особенное, просто удобная точка отсчета, к ней и привязывали различные культуры, не сговариваясь и не подозревая даже друг о друге, появление различных чудес, таинственных гостей и прочих явлений.

Перед глазами пошли плавать светлые пятна, одно из них сформировалось в женскую фигуру с пышными формами.

– Ух ты, – сказал я, – как давно тебя не видел!

Санегерия засмеялась.

– Все зависит от тебя. Я появляюсь только молодым и полным сил мужчинам. Чаще – юношам.

Я сказал обидчиво:

– А я кто, старый?.. По возрастной шкале я все еще вьюнош зеленый!

– Я же сказала «полным сил», – объяснила она весело. Она не двигалась, но ее медленно несло в мои объятия. Я сопротивлялся изо всех сил, а она добавила тоже торопливее: – А ты в последнее время чаще усталый, измученный... да и ешь кое-как, будто отшельник...

– Ладно тебе, – сказал я, – сейчас вот нажрался, так уж нажрался! За все дни сразу. Вообще худеть положено, комильфо. От мяса со специями холестерин заводится. Скажи, что в этой гостинице такого?

Она начала отвечать, однако мои руки уже стиснули ее мягкое сочное тело, такое нежное и сладкое, что я буквально взорвался в самом древнем из чувств. Санегерия засмеялась, ее голос еще звенел в моих ушах, когда я обнаружил себя снова на своем ложе, сэр Смит похрапывает, в комнате тихо, два светильника у двери дают ровный бестрепетный свет.

Ладно, мелькнула мысль, надо наесться как следует жареного мяса с перчиком, тогда Санегерия придет снова, только успеть бы порасспросить о всяком-разном, столько вопросов накопилось...

Легонько тренькнуло, словно напомнил о себе домофон или включился таймер кондиционера. На стене возник прямоугольник, очертаниями напоминающий просторную дверь. По контуру искрятся синеватые искорки, будто крохотные электрические разряды, сам прямоугольник захватывает часть гобелена, даже непонятно: под гобеленом он или поверх него.

Я торопливо метнул искру в кончик толстой свечи. Огонек поднялся слабенький, но острый и как клинком разогнал тьму. Мои руки поспешно хватали перевязь, пояс с молотом, зачем-то повесил за спину лук, как будто иду в лес или степь. Прямоугольник встретил едва слышным потрескиванием, волосы на голове зашевелились, наэлектризованные. Я протянул руку, кончики пальцев коснулись каменной стены. Разочарование было таким сильным, что

вскрикнул мысленно: как же так, должна быть дверь, я хочу войти, должен войти, почему не пускают, это же неправильно...

Камень начал разжижаться, пальцы продавлились, как в мокрую глину, по фаланги. Ослепляющая радость хлестнула с такой силой, что я едва не вскрикнул: заработало!.. Ну же, еще, еще...

Погрузилась вся ладонь, затем рука вошла по локоть, по плечо. Я почти касался стены лицом, отворачивался, как мог, пальцы вроде бы на той стороне задвигались легче, что могло означать только одно...

Я трижды вдохнул и выдохнул, очищая легкие и насыщаясь кислородом, набрал в грудь воздуха, будто собирался нырнуть на дно Тихого океана, и ломанулся сквозь стену. На краткий миг, когда погрузился весь, а вокруг мягкая тьма, вспыхнул страх: я ж в камне. Сразу же руки, ноги, как и весь я, застыли в этом самом камне, в гранитном монолите.

Это дверь, сказал я себе яростно. Я прущу через обеззараживающий шлюз. Сейчас на мне будут всяких там вирусов, чтоб заразу не принес, только и всего. Я вот сейчас сделаю еще шаг...

Руку все так же держал вытянутой, шевелил пальцами и чувствовал, что никакая субстанция им не мешает. Еще шаг, руку с легкостью согнул в локте, и через пару минут впереди забрезжил свет.

Я думал, что выдвинусь весь облепленный зеленой, именно почему-то зеленой, слизью, но высунулся из стены все такой же сравнительно чистый, с мечом за спиной и молотом у пояса.

Глава 8

Высунулся наполовину, застыл уродливым барельефом, ослепленный, потрясенный, с бегающими во все стороны, как у ворюги, глазами. Коридор настолько широк, что стремя в стремя проедут трое всадников, пурпурная дорожка ковра под ногами уходит в бесконечность, по обе стороны отделанные благородными породами дерева стены, через каждые пять-шесть шагов золотом высшей пробы поблескивает дверь. Над каждой светится мягким ореолом круг, я зябко передернул плечами, показалось, что эти светящиеся точки уходят в бесконечность, а там происходит что-то эвклидо-римановское.

Царство геометрии, подчеркнутое, холодное, рациональное. Абсолютно прямой коридор с одинаковыми дверьми, с одинаковыми светильниками и одинаковыми значками на дверях. Как будто строили по принципу предельной упрощенности конструкции, в которой, однако, смутно проступает некая зловещая в нечеловечности красота.

Оглянулся, вот то место, где я протиснулся через Незримые Врата, назову для пафоса так, на всякий случай вытащил меч и нацарапал на стене не то крестик, не то знак Зорро. Лезвие, что рассекает стальные доспехи, как лист капусты, едва-едва оставило крохотную царапину.

Кстати, и в противоположную сторону тянутся все те же два светящихся пунктира, уходят вдаль, превращаясь в исчезающие крохотные звездочки. Однако вон там дальше, если не ошибаюсь, еще один коридор, что идет перпендикулярно. Сердце колотится бешено, я отсчитал шаги на тот случай, если вдруг царапина исчезнет, зарастет или же ее замажет какая-нибудь нечисть, на сороковом шаге открылся еще один коридор.

Осторожно выглянул, повертел головой справа налево и обратно. Свет такой же точно, коридор с рядами дверей и светящимися кружками. В обе стороны такая бесконечность, что жутко, в животе похолодело. В самом деле ощутил бесконечность пространства, замутило, а перед глазами поплыло, словно готов хлопнуться в обморок, как тургеневская барышня.

Оглянулся, надо бы возвращаться, рука коснулась ручки ближайшей двери. Абсолютно бесшумно дверь отворилась, просторная заставленная мебелью комната, с потолка рассеянный свет, я с порога быстро-быстро оглядел все, в животе похолодело от предчувствия беды.

На ложе, что посреди комнаты, спит укрытый до подбородка толстым одеялом крупный мужчина. Я издалека не понял, почему такое серое лицо, словно покрытое пеплом, ресницы чересчур мохнатые, вошел на цыпочках, приблизился и, задержав дыхание, наклонился к спящему. От моего движения, едва заметного, зашевелилась пыль, покрывающая лицо толстым слоем, поднялась в воздух, закружилась. Человек поморщился во сне, недовольно скривил толстые губы, будто по ним проползла крупная муха.

Я всматривался с сильно колотящимся сердцем. Такой слой археологи встречают в древних захоронениях, когда вскрывают гробницы, которым тысячи лет, но этот человек жив, просто спит, крепко спит...

Сдерживая дыхание, я медленно попятился к выходу. Пыль толстым столбом взвилась над ложем, я успел подумать, что опускаться в таком неподвижном воздухе будет месяцы, осторожно прикрыл дверь.

Коридор тянется в обе стороны пугающе одинаков, надо бы за неимением нити Ариадны бросать подобно гансугретхелю хотя бы куски хлеба, но не запаса, да и здешние домовые подберут... если раньше не поспеют крысы и муравьи. Впрочем, крысы могут и не водиться в таком стерильном мире, но чтоб без муравьев...

Отсчитывая шаги, вернулся, не сразу обнаружил царапину, сердце екнуло: вдруг да пошел в другую сторону, так все геометрически правильно и абсолютно одинаково.

– Собаки метят, а мне как?

Вопрос повис без ответа. Я постоял, повертел головой, рискнул подергать за ручку ближайшую дверь. Без скрипа, как будто и не дверь вовсе, отворилась, я постоял на пороге, всматриваясь в обычный, по сути, гостиничный номер, меблированный просто и даже бедно, но с той ужасающей простотой, что выплывает только в результате долгой и кропотливой работы дизайнеров.

На той стороне единственное окно, колышутся кроны деревьев, а в просветы холодно и загадочно смотрит зеленая луна. Я подошел к окну зачем-то на цыпочках, напряженно всмотрелся. Возле огромного дерева промелькнула гибкая женская фигурка. Длинные волосы падают на прямую спину, лицо в тени, я успел только рассмотреть небольшие округлые груди, еще бы я их не рассмотрел, а когда девушка повернулась, мне почудились за спиной сложенные крылья.

Против воли шелохнулось раздражение, только эльфов или дриад не хватает, ненавижу такое неопрятное смешение жанров, это же дурной вкус, как этого не понимают идиотики. Для них пестрое платье цыганки, сшитое из множества ярких лоскутков, безобразное и бесформенное, предпочтительнее строгого и изящного костюма от модельера со вкусом. А Господь наш еще тот дизайнер, вкус у него о-го-го, недаром же он лучшим из людей вылепил меня...

Я всматривался так, что глаза от натуги лезут наружу, девушка прошла через полосу света, я перевел дыхание: за спиной вовсе не дурацкие крылья, а обычный походный рюкзак, а на поясе вместо кинжала с драгоценностями в рукояти тускло блеснула отполированным металлом рукоять... бластера. Все исчезло, только ветви деревьев подрагивают под ударами невидимого ветра.

– Глюки... – прошептал я, сердце сладко заныло, отказываясь верить, что это всего лишь обман зрения. – Галлюцинации, как сказал бы... а вдруг нет?

Не отводя взгляда от окна, попятился, почему-то уверенный, что больше ничего не увижу, кроме леса, а в нем ничего особенного, деревья и деревья. Может быть, какие-то неземные виды, но не мне в них разбираться.

Дверь так же мягко захлопнулась. Я постоял в коридоре, унимая сердце, осторожно передвинулся к соседней двери, потрогал ручку: заперто, перешел к следующей: тоже закрыто, зато дальше сразу же подалась, я остановился на пороге, раскрыв рот. По идее, комната должна быть такой же, как и вид в окне: тот же лес, те же колыхающиеся кроны, однако если комната ничем не отличается, то за окном...

Я не мог сдвинуться с места: за окном залитая солнцем, огромная хрустальная гора. Лишь спустя минуту сообразил, что это целый город, прекрасный, дивный, сказочный: весь из башенок, минаретов, удивительно красивых гармоничных зданий – все сверкающие, словно гениальные дизайнеры высекли из прозрачного льда эти дивные здания. Свет искрится и переливается на каждой грани, глазам больно, я щурился, в то время как сердце трепещет от счастья, что повезло увидеть такую красоту.

Подойдя вплотную, я жадно смотрел на город, печаль стиснула сердце. Некто, используя высочайшие технологии, о всей мощи которых я не могу даже строить догадки, сумел сделать множество комнат, просто комнат для постояльцев гостиницы. Самые лучшие, какие знал: с гобеленами на каменных стенах, с широким ложем и резными ножками, еще и балдахин сверху, широкие чаши светильников в стенах, дубовый стол и массивные стулья с резными спинками. Большого фантазия дизайнера накрутить не могла, он отыгрался в количестве комнат. Что-то мне кажется, сэр Смит не сумел бы их пройти, даже если бы бежал без остановки всю жизнь, а жил бы бесконечно долго. Возможно, дело не в глубоком туннеле, а что-то с пространством-временем. Возможно, хоть это и выглядит дико, но все эти бесчисленные залы помещаются в один, вложенные, как...

Конечно, все может иметь совсем другое объяснение, но в любом случае мое лучше, чем то, что этот коридор ведет прямехонько в ад, откуда поднимается нечисть и постоянно обитает в этих комнатах.

Чтобы не заблудиться, я прошелся только по одному из коридоров вдоль стены, зашел еще раз наугад в номер, дверь которого сумел открыть, обошел комнату, притрагиваясь к вещам, проводя кончиками пальцев по резным завитушкам на деревянных панелях. На краю стола поблескивает медными боками колокольчик, я машинально взял, повертел в пальцах. Язычок тихонько звякнул о стенку, раздался негромкий мелодичный звон.

Вздвигнув, я поспешно опустил его обратно, но дверь уже открылась, в проеме появилась женская фигура. Сердце мое замерло, а женщина неслышно одолела разделяющее нас пространство и, остановившись в двух шагах, сказала почтительно:

– К вашим услугам, мардорг. Что изволите?

Я ошалело смотрел в ее нечеловечески прекрасное лицо с огромными миндалевидными глазами, желтыми, как растопленный мед, высокими скулами и длинными остроконечными ушами, такими нежными и розовыми, что просвечивают даже при таком неярком свете. Мочки ушей оттягивают массивные серьги, камешки переливаются всеми цветами, вырез пласть достаточно целомудренен, однако низ... лучше не опускать взор, лучше не смотреть...

С трудом удерживая взгляд в замороженном состоянии, я проговорил медленно:

– Да я так, осматриваюсь... Что можете предложить?

В ее огромных янтарных глазах мелькнуло недоумение.

– Предложить?..

– Да, – подтвердил я, – с чего мне здесь начать?

– Не поняла вопроса, мардорг... Господин изволит почивать... или восхочет сперва поужинать?

– Восхочу, – ответил я. – А что, подают прямо в номера?

Она замедленно кивнула, не отрывая взгляда от моего лица. Мне показалось, что на ее лице проступает замешательство, как будто начинает понимать, что я не совсем прежний постоялец. А может быть, и вовсе незаконный. Остроконечные ушки шелохнулись, кончики заалели ярче, просвечивая так сильно, что я мог бы сквозь них прочесть газету.

– Да, – ответила она очень мелодично, – но если на то будет ваша воля...

– Будет, – согласился я.

– Тогда извольте...

– Изволю, – ответил я.

Она молча наклонила голову, прошла мимо, я после паузы двинулся за нею, стараясь не особенно пялиться на обнаженный зад. Между гобеленами с изображением битв и охоты, что-то убогая фантазия у художников, подчеркнуто скромно проступает прямоугольник двери. Я не увидел ручки, но при нашем приближении створки распахнулись, яркий свет на мгновение ослепил. Я вошел деревянными шагами в огромный, сверкающий начищенными подсвечниками, щитами и мечами на стенах, рыцарскими доспехами в полный рост в каждом углу, величественный зал, где посередине всего один стол, однако невероятной длины. И если на том конце сядет дама и попросит меня передать солонку, я прикажу сперва привести коня. Такие столы уже видел, а насчет коня если не говорил, то скажу, такие остроты надо держать наготове, чтобы выглядеть своим парнем в любом кругу.

Хотя что за бред, откуда здесь дамы. Я подошел к креслу у торца стола, тут же появился подтянутый, как французский гренадер, лакей, взялся за спинку и ловко отодвинул стул, а когда я встал у стола, придвинул. Мне осталось только опуститься, все точно, можно даже не двигать задом, устраиваясь.

Я привычно уже хотел было пробормотал начальные слова благодарственной молитвы, ну там где за хлеб за соль, но сдержался, вдруг здесь не принято, а Бог не обидится. Его навер-

няка смешат все эти наивные попытки угадывать его задумки и читать ему смешные плохо зарифмованные стишки, а то и вовсе белые.

На первое подали горячую уху, пахнет дивно. Я быстро работал серебряной ложкой... ага, вампиров и нечисти нет!.. обжигался, глотал, поглядывал на слуг. Безучастные, молчаливые, они подают блюда абсолютно безукоризненно. Но когда я наклонился к тарелке и зачерпывал горячую уху, что-то как будто сдвигалось в восприятии. Наконец я ухитрился поглядывать самым краем глаза, ближайший ко мне слуга сразу же потерял четкие очертания.

Сдерживая дрожь, я начал есть уже медленнее. Остальные слуги тоже выглядят смутно, хотя, когда смотришь не в упор, все видится не в фокусе, но не настолько же. Однако опустевшую тарелку убрали вполне реальные руки, взамен поставили на изящной подставке огромную сковороду, где в кипящем масле потрескивает, зажариваясь, огромный ломоть ветчины в окружении дюжины яиц.

Я ткнул огромной двузубой вилкой, мясо зашипело. Придерживая вилкой, отрезал ломтик, пахнет одуряюще, осторожно попробовал, хотя нюх не обманывает: самое натуральное, без пестицидов и нитратов, модифицировано именно так, чтобы и все полезные вещества сохранить, и дать как можно больше наслаждения желудку.

– Великолепно, – сказал я. Отодвинуть тарелку не успел, ее тут же убрали, взамен подали вино в стеклянном кувшине. Может, и не в стеклянном, но сквозь прозрачные стенки я любовался насыщенным красным цветом. Подумал, что за стенами этой гостиницы стеклянных кувшинов не видел, как и вообще изделий из стекла. – Что за вино?

– Калантларское, – произнес над ухом исполненный почтительности голос, – урожай года три тысячи семьсот двенадцатого...

– Ого, – сказал я. – А это по какому летосчислению?

Недоуменное молчание было ответом, наконец прозвучало вопросительное:

– Простите...

Я торопливо отмахнулся.

– Неважно, не ломайте головы, а то контакты перегорят. Вино великолепное, это главное. И вообще хорошо у вас.

– Благодарим вас, мардорг.

– Да-да, – подтвердил я, – запишите в книгу предложений мое мардоржье благоволение. Я доволен прямо как два мардорга!

Я пил маленькими глотками, вообще-то я человек непьющий, это совсем не то, что трезвенник, то уже патология, а именно непьющий, что значит – не пью с получки и аванса, не пью при любой встрече, а на всяких торжествах предпочитаю легкие сладкие вина, чтобы не обжигало глотку, как коньяк или водка, да и сладкие употребляю самую малость, люблю, когда голова работает, а не балдеет.

– Что на десерт?

Я подумал, хрен знает, что здесь подают, меню не предложили, не ресторан, отмахнулся с небрежностью завсегдатая.

– Свое фирменное.

– Слушаюсь, мардорг...

Она вышла за дверь и тотчас же появилась с подносом на вытянутых руках, словно в коридоре уже ждали и вручили тут же. Я сделал вид, что меня ничего не удивляет, я же мардорг. Даже заставил себя не опускать взгляд ниже подноса, тупо и неподвижно смотрел, как передо мной на огромном блюде колышется розовый, как уши горничной, прозрачный шар из студня, слегка приплюснутый гравитацией и похожий на гигантскую каплю сиропа. Я взял нож и вилку, но вдруг брызнет, кто знает, как здесь есть... и внезапно поймал себя на том, что в самом деле держу в руках вилку. А ведь во всех королевствах за столом пользуются только ножом и ложкой, в основном же просто хватают руками все, мужчины и женщины. Ну, пусть не хватают,

женщины берут изящно, но все-таки жир стекает по их изящным пальчикам, они облизывают их длинными розовыми языками вплоть до локтей...

Поверхность заколыхалась, когда я коснулся ложкой, прогнулась, однако металлический край погрузился, как ковш бульдозера, я подрезал умело, отделившаяся часть в ложке приняла каплеобразную форму, словно ртуть, а на большом ломте студня выемка мгновенно затянулась.

Официанты не двигаются, я поднес ложку ко рту, пахнет изумительно, осторожно тронул губами. Огромная красная капля скользнула в рот, обожгла, поспешно провалилась в пищевод, прежде чем я успел задержать во рту. Я задохнулся от ощущения свежести, чистоты и необыкновенного вкуса. Перед глазами словно бы упала пелена, я стал видеть отчетливо все завитушки в темных углах, а мозг заработал так, что я смог бы назвать телефоны всех случайных знакомых, которые записывал только из вежливости и никогда не звонил.

– Восхитительно, – выдохнул я. – Передайте повару, я в восторге! Он просто гений.

Со всех сторон донеслись тихие голоса, исполненные почтительности:

– Благодарим вас, мардорг...

– Спасибо, мардорг...

– Он будет счастлив, мардорг...

Сообразив, что это уже десерт, я поднялся, широко улыбнулся.

– Вообще все было очень вкусно. Замечательно. Вы хорошо поработали, ребята. Все свободно!.. Нет-нет, а ты, лапочка, подожди. У меня пара вопросов.

Глава 9

Я двинулся обратно, проводя пальцем по стене и подсчитывая двери. Начиная с десятой начал дергать двери, некоторые закрыты, как и ожидал, в некоторые смог заглянуть, вот и пятнадцатая... Сердце екнуло и, сорвавшись с мышцы, рухнуло в бездну. Ноги стали ватными. Вот в этом самом месте я оставил царапину, помесь косоного креста со знаком Зорро, но сейчас кончики пальцев скользят по абсолютно гладкой поверхности.

– Не верю, – проговорил я дрожащим голосом. – Проход есть... должен быть! Петухи еще не кричали. Да и вообще, при чем здесь пернатые...

Сосредоточившись, я ломился в стену, делал шагок в сторону и снова ломился. Уже решил, что останусь в этом мире навсегда, как вдруг пальцы погрузились, как в мокрую глину. Радость нахлынула такая ликующая, что я шагнул сквозь стену, как будто через затемненный участок пространства, куда не достигает свет, и тут же оказался в нашей комнате. В глубине – ложе со скомканным покрывалом, а на другом сладко похрапывает сэр Смит. Усы распушились и угрожающе шевелятся. Мне показалось, что на кончиках скачут мелкие электрические разряды.

Я оглянулся, на стене медленно гаснет светящийся прямоугольник. У Смита на лице счастье до ушей, словно уже выиграл турнир и назначает захваченным в плен баснословные выкупы. Я прикинул по огарку свечи, что скоро утро, во всяком случае, рассвет, хотя для меня рассвет вовсе не утро, а, напротив, дикая глубокая ночь, когда настоящие орлы возвращаются домой.

Вообще-то, вторгаясь через зачарованную дверь, я ожидал что-то вроде троллей, гоблинов, эльфов, фей, гномов, горгулий, горгон, оборотней, летучих мышей размером с кабанов, даже единорогов и драконов. Это как-то присуще этому миру, да и на щитах у съехавшихся на турнир такие чудища, что поневоле начнешь оглядываться, но то, что увидел... да, это круче. Эскаваторы и асфальтовые катки всегда круче, чем огры, а СУ-27 – чем огнедышащие драконы.

Свеча догорала, за окном бледный рассвет окрасился алым, затем растекся по небу пурпуром. Я осмотрел себя в зеркале, всем хорош, даже бледность от бессонной ночи придает лицу значительную интеллигентность. Жаль, не оценят, гады. Здесь чем морда шире и краснокирпичнее, тем ее владелец больше тянет на академика. В местном эквиваленте уважения, понятно.

С ложа донесся мощный всхрап. У Смита усы и во сне драчливо торчат в стороны, настолько наглые, что как будто каждого встречного называют придурком...

Я поправил перевязь с мечом, провел пальцами по рукояти молота, все на месте, после путешествия по зачарованной гостинице, вовсе не сытного ужина, переходящего в завтрак, не так уж и тяжел, постучал носком сапога по ножке кровати.

– Сэр Смит, сэр Смит!.. Трубы ржут, кони поют, рыцари стучат копытами!.. Пора в бой.

Он вскочил, вслепую пошарил руками и прокричал:

– Коня!.. Уже иду, не закрывайте ворота!

Открыл один глаз, всмотрелся, на лице отразилось недоумение, я мало похож на коня, хотя вообще-то еще тот конь, огляделся, наконец все понял, всплеснул руками.

– Сэр Ричард, ну что вы в самом деле! Мне такое снилось, такое...

Выглядел он... утомленным, нет, свеж, как огурчик, но все же заметно, что в своем ярком и насыщенном сне погулял, погулял. Даже развлекся, оттянулся, до сих пор с лица не сходит ошалелое выражение.

– Одевайтесь, – посоветовал я. – Здесь не сообразишь, который час. В окно чего только не померещится. Вдруг уже полдень?

Он торопливо хватал одежду, застегивал ремни, руки тряслись, и вообще выглядел так, будто выпил три чашки крепчайшего кофе.

– Сэр Ричард, – проговорил он, запинаясь, – неужели таков у неверных рай?..

– Что, – поинтересовался я, – гурии одолели?.. Все нормально, сэр Смит, здесь чуть продвинутое технологии. В моих землях приходилось одной рукой...

Он переспросил:

– Одной? Почему?

– Вторая занята мышкой, – ответил я, он смотрел непонимающе, я отмахнулся: – Забудьте, сэр Смит. Ничего здесь противного церкви нет. Это так... третья сила. Церковь – одно, нечистая сила – другое, а технологии – третья. Мы с вами остаемся слугами святой церкви. Мне вообще-то не нравится само слово «слуги», но ведь охотно называем себя слугами и даже рабами чести, долга, слова?.. Так и здесь мы слуги не попов, а великой идеи, для реализации которой и создана такая громоздкая и порой раздражающая структура, как церковь.

Солнце едва-едва высунуло краешек над дальним лесом, все еще черным, как горная цепь из угля, но во дворе уже суматоха. Слуги носят от колодца воду, из поленицы – березовые кругляши, вкусно пахнет из лачуги хлебопека, постукивают молоты в кузнице, как будто жизнь и не прерывалась на ночь. А может, и не прерывалась, после турнира отоспятся.

Когда мы вошли в главный зал, хозяин вздрогнул, отшатнулся, даже чуточку сбледнул лицом. Я кивнул высокомерно, как должен вести себя с простолюдином феодал, а я феодал, надо не забывать, и в то же время взглянул дружески, как человек, который хорошо выспался, всем доволен.

– Хорошо содержишь, – сказал я громко. – Мы изволим быть довольны!.. Вот тебе пока еще пару золотых.

Он наконец сумел разомкнуть застывшие синие губы.

– Р-р-рад... что вашей милости понравилось...

– Не то слово, – заверил я. – Мой друг, доблестный сэр Смит, в восторге!

Он быстро взглянул в лицо мне, признавая главным все-таки меня.

– А вам... сэр?

– Мне тоже, – ответил я серьезно. – Правда, я не развлекался, как сэр Смит, зато было время пообщаться с другими обитателями нумеров, поговорить. С одним даже сыграл в кости... Или во что-то другое, не помню. Помню, что выиграл, это главное. И колодой по шнобелю, по шнобелю...

Его лицо вытянулось, глаза метнулись из стороны в сторону, никто не услышал ли, почти прошептал умоляюще:

– Ваша милость, у меня там никто не живет!

– Ты просто забыл, – сказал я. – Или, может, еще твой отец поселил? Судя по всему, живут там давненько. Если не платят, это не дело. Напомни!

Он отшатнулся, выставил перед собой ладони.

– Ни за что!.. Как я могу себе такое позволить?

– Согласен, – одобрил я, – со знатными господами нужно быть учтивым, понимать свое место. Но и знатные, в свою очередь, должны, да... должны! На этом зиждется принцип, верно? Да, принцип. Ладно, мы пошли осматривать город, а ты пока пошли прибрать комнаты...

Его затрясло, а сэр Смит сказал укоризненно:

– Сэр Ричард, чего там убирать? Мы не буянили, мебель не ломали, ничего не сожгли. Местных не портили.

Я подумал, кивнул хозяину ободряюще:

– Впрочем, можешь никого не посылать перестилать нам простыни. Сэру Смиту и так перестилают каждые полчаса, а я всю ночь играл в карты, постель... ну, чуть-чуть примята.

Он вздохнул с великим облегчением, это ж какая служанка рискнет в зачарованную комнату, да и вообще про них кто знает, а слухи и есть слухи. Вот болтают же, что у графа Этерлиха три головы, а это явные враки. Никогда у него трех голов не было, всего две, да и то не слишком уж и прожорливые или говорливые.

Глава 10

Позавтракали наскоро, я словно невзначай завел разговор за соседним столом о самой гостинице, заговорили охотно, что значит, поговорить есть о чем. Судя по обрывочным упоминаниям, кои я старательно сводил воедино, этот постоялый двор всегда был им, называясь то гостиницей, то приютом, то караван-сараем, а то и убежищем. История его тянулась до Последней Войны, а оттуда еще дальше. Это место упоминаемо в период между Пятой Войной Магов и Шестой, а значит, тогда это место могли использовать как-то иначе. Или полнее, если это и тогда уже была гостиница с неограниченным запасом номеров.

В конюшне Зайчик мирно хрустит отборным зерном, полные ясли, на коней в соседних стойлах ноль внимания. Конюшня чистая, вода свежая, хозяйева блюдут высокую марку, растерять богатых клиентов куда легче, чем приобрести.

Сэр Смит ждал во дворе, бодрый, задиристый, с воинственно торчащими усами.

– Идем подавать заявки?

– Да, – ответил я, – куда вы с копытом, туда и я с клешней.

– Кони пусть отдохнут, – предложил он.

– Знамо дело, – согласился я. – Они всегда устают больше, чем мы. Значит, нам Господь уготовил ношу побольше, чем каким-то коням, слонам или даже левиафанам.

По городу проехали герольды, под звуки труб возвестили, что сегодня в полдень состоится свадебная церемония: благородный король Фердинанд Барбаросса берет в жены Алевтину, дочь короля Джона Большие Сапоги, властелина богатой и цветущей земли королевства Фоссано, благодаря чему наступит вечный мир и благоденствие, ибо никто и никогда не посмеет напасть на объединенные силы двух могучих королей. На всех перекрестках прокричали, что действо произойдет в храме Каталаунской Девы. В городе праздничная суета, горожане вырядились в лучшие платья, всюду радостные вопли, а то и песни, что значит, кто-то уже начал праздновать свадьбу короля, который последние десять лет вообще не показывался в столицу, расширяя мечом и укрепляя пределы.

Со всех сторон радостный гомон, все лавки открыты, торговцы охрипли, зазывая покупателей, но торговля идет бойко, несмотря на поднебесные цены, мы протолкались через толпу и вывалились за городские ворота. Навстречу прут тяжело груженные телеги, колеса трещат под тяжестью забитых оленей, кабанов, выловленной рыбы. Воздух дрожит от рева скота, этих гонят на городскую бойню, приезжих надо кормить, это хороший доход всем, кто вовремя сообразил о прибыльности турнира.

По дороге я взбежал на ближайший холм, ахнул. Народ продолжал прибывать и ночью, вон там, где вчера цвело яркими красками не больше двух десятков шатров, сейчас их почти сотня, а еще масса народа расположилась у костров. Большинство, понятно, дрова рубит в Темной Роще, горожане могут только втайне ликовать: пораспугают лесную нечисть, а часть и попросту перебьют.

Турнирами грезят не только *juvenes*, но даже короли, не говоря уже о принцах, герцогах и прочих аристократах высшего общества. Говорят, молодой король из соседнего крохотного королевства Вендовер привел с собой пятьдесят рыцарей, но и его перещеголял герцог Утерлих, в свите которого сто рыцарей и две тысячи пеших солдат. Впрочем, насколько я помню, король Генри приводил с собой тоже по сотне рыцарей, из них только графов бывало по трети.

Сзади ударила тугая волна сжатого воздуха. Я мгновенно развернулся, мелькнуло огромное черное тело, летящее прямо мне в грудь. Я напрягся и подался вперед, столкнулись, горячий язык облизал мне нос, подбородок, щеки, а снизу восторженно кричал Смит:

– Сэр Ричард, вы развернулись как молния! Я такого еще не видел!

По дороге спешила тощая фигура в монашеском одеянии, Смит даже не оглянулся, когда Кадфаэль вырос за его спиной, замахал руками.

– Брат паладин... Брат паладин!

На этот раз Смит нахмурился, грозно повел усами, как рассерженный таракан.

– Эй, ты, чучело!.. Как ты смеешь так обращаться к благородному господину?

– Все в порядке, сэр Смит. Я ведь рыцарь духовного звания... ну, почти. А это брат Кадфаэль, мы с ним немало чертей погоняли...

Смит кисло посмотрел на монаха.

– А что это он вас, сэр Ричард, так...

– Оскорбляет?

Он чуть смутился.

– Я не то хотел сказать.

– Неважно. Я и есть паладин. А что другие будут знать... в чем-то это и хорошо. Это как будто смотрят на человека со связанными руками. А на самом деле у него руки вовсе не связаны!

Он не понял.

Я торопливо сбежал с холма, Пес несся рядом и подпрыгивал, стараясь если не лизнуть в ухо, то хотя бы пихнуть меня, вдруг да упаду, тогда можно будет напрыгивать и делать вид, что терзает меня, как пойманную утку. Брат Кадфаэль с чувством обнял меня, глаза светятся, под глазом изрядный кровоподтек, лицо бледное, нижняя челюсть полиловела и распухла. Сэр Смит нахмурился еще сильнее, даже оглянулся в неловкости: не видят ли, что оборванный монах обнимается с рыцарем, и не сделать ли вид, что он не с нами, а так, мимо проходил. Я постарался не допустить из себя утечки целительной силы паладина – раньше исходила непроизвольно, теперь умею обуздывать, – и фингал под глазом Кадфаэля остался таким же вызывающе лиловым, как переспелая слива.

– Брат паладин, – сказал Кадфаэль с жаром, – надо успеть поклониться святой Деве Каталаунской, а то начнется венчание, туда уже не попасть и познатнее особам, чем мы!

Сэр Смит буркнул с неприязнью:

– Лучше уж святому Клименту. Он покровительствует воинам, а Каталаунская Дева... если не ошибаюсь, младенцам да скорбящим матерям?

– Верно, – подтвердил Кадфаэль, – потому надо идти к Деве...

Я логику монаха не понял, перед турниром логичнее подсуетиться перед покровителем бряцающих железом, но сказал с уверенностью стратега:

– Сперва – к Деве!.. На обратном пути заглянем к Клименту. Самое важное надо оставлять на конец.

К счастью, остальной народ в сторону храма Каталаунской Девы пока только поглядывал. Еще раннее утро, мы, пожалуй, первые, кто направился в ее сторону. Сэр Смит внезапно ругнулся, брат Кадфаэль осенил себя крестным знаменiem, а Пес насторожился, зарычал. Короткая шерсть встала дыбом, мышцы вздулись и окаменели, глаза налились красным и запылали, как раскаленные угли.

– Тихо, – велел я, оглядываясь и не видя опасности, – тихо!

По дороге в город все еще едут рыцари, жаждущие схваток, кто в одиночку, кто группами, но сэр Смит неотрывно смотрел на одного всадника, что пустил коня рядом с дорогой. Тот с такой легкостью несет по бездорожью, что в его сторону оглядываются с ревнивой завистью.

– Плащ! – произнес сэр Смит.

Конь идет под всадником легко и красиво, но если у всех ветерок треплет плащи, конские гривы и хвосты, то этот двигается в странном безветрии. Даже черный капюшон, надвинутый глубоко на лицо, не шелохнется. И конь скачет слишком ровно, будто плывет, длинная грива ниспадает, как приклеенная...

Брат Кадфаэль перекрестился и громко произнес длинную фразу по-латыни. Пес продолжал рычать, но теперь рык kloкотал глубоко в горле. Всадник уже удалялся, но я видел, как вместе с конем замедлил бег, оба начали бледнеть, а затем расплылись в утреннем воздухе, словно клочья тумана.

Сэр Смит с уважением взглянул на Кадфаэля.

– А монашек, оказывается, что-то может.

Кадфаэль бледно улыбнулся.

– Да и собачка кое-что чувствует...

Он пробормотал еще что-то, осенил крестным знаменем дорогу. Лицо оставалось очень серьезным, брови сдвинулись, над переносицей возникла глубокая вертикальная складка, что, как известно, признак врожденного порока печени.

Храм приближался, дорога утоптанная, хотя не настолько, как я ожидал, что и понятно: Каталаунская Дева защищает эти земли так давно, что народ эту защиту принимает как само собой разумеющееся, за что не нужно даже говорить спасибо. Правда, возле входа трепещут по ветру штандарты святой церкви, я не силен в распознавании знаков отличий, это сэр Смит, опередив брата Кадфаэля, сообщил, что храм почитает сам архиепископ.

– Он вчера был, – поправил брат Кадфаэль. – А штандарты оставил в знак того, что еще придет поклониться перед отъездом. Дело в том, что архиепископ Кентерберийский хочет воспользоваться турниром, чтобы укрепить влияние святой церкви! Мы не должны смиряться с тем, что в одном городе и церковь, и языческие капища! А то и вовсе храмы.

Я смолчал, ибо если судить по речам брата Кадфаэля, то Юг по каким-то причинам блюдет установившееся равновесие, это церковь начинает раздувать пламя нового крестового похода. С другой стороны, может, там замечено оружие массового поражения в руках нестабильных режимов, или же там угнетаются христиане? Или, что важнее того, обнаружены несметные запасы нефти?

На обширной площади перед храмом Каталаунской Девы собирается толпа, пока еще редкая, из отдельно стоящих кучек зевак. До полудня далеко, потом здесь будет толчея, ребра затрещат.

На ступенях храма глубокая тень, сердце мое тревожно дернулось, тень намного объемнее и глубже, чем должна быть. Сэр Смит первым взбежал ко входу, очень живой и реальный, оглянулся, оптимистический, как кот в сапогах, подмигнул и толкнул двери.

Открылся просторный зал, абсолютно пустой, и только из противоположной стены наполовину выступает женская фигура в старинном одеянии, что умело скрывает фигуру и в то же время неумовимо выдает женственность, девичью свежесть целомудренного тела. В те времена, похоже, распущенные волосы считались распутством, потому платок закрывает лоб по самые брови, как хиджаб у мусульманок, что лишь подчеркивает овал лица с его изумительно правильными пропорциями. Правильными в том значении, что я смотрел на эту женщину, не сказать, что красивую, но – прекрасную, и мои губы сами прошептали:

– Она... она... божественна!

– Симон Волхв, – ответил Кадфаэль тоже шепотом, – видел ее...

– Являлась ему? – спросил Смит понимающе.

– Нет, ровесник... Если не старше.

Оба смотрели с благоговением, приблизились тихохонько, медленно, опасаясь неосторожным словом или жестом нарушить торжественную тишину. Брат Кадфаэль опустился на колени и начал молиться. Сэр Смит тоже преклонил колени, перекрестился и прошептал несколько слов. Оба оглянулись на меня, я успокаивающе выставил ладони. Я – паладин, мы с Богом общаемся несколько иначе. Во всяком случае, не через секретаршу. А здесь так и вовсе через привратника.

Пес благовоспитанно держится рядом со мной, тихий, как мышка. Понимает, что, если чуть напомнит о себе, тут же выгонят. У стены справа массивный алтарь, дыхание мое сбилось, всем существом ощутил древность и... святость, что ли, хотя и для меня смешны эти пьяные попы, уверяющие о чудотворности икон. И сама церковь категорически отрицает чудодейственность как икон, так и всех этих вещей, принадлежавших святым или даже самому Иисусу: власянице, гвоздям или кусочкам дерева из его креста. И ведь сам понимаю, что все это дурость, но всем существом своим чувствую и святость, и величие, и незримую мощь...

Я вдыхал полной грудью, чувствуя, как проясняется сознание. Там, снаружи, воздух уже с утра жаркий, сухой и царапающий пылью горло, а здесь прохлада, чистота, словно работают бесшумные кондиционеры. Взгляд зацепился за странный выступ в левой стене: морда льва, это привычно, все высекают морды львов и драконов, никто – олени или козы, но этот лев вырублен как будто из цельной льдины. Или из огромного куска горного хрусталя. Или алмаза, но не простой камень, не простой.

Пока мои друзья бьют поклоны, я, как жидомасон с более высоким допуском, прошел к художественному творению. На уровне моей груди морда льва, из разинутой пасти вытекает жиденькая струйка воды, бесшумно ныряет в небольшой бассейн, обрамленный обыкновенным камнем. Я такие фонтаны уже видел в исторических центрах: в Петергофе, в Риме и Неаполе. Правда, в Риме и Неаполе – в передаче «Путешествия». Струйка тускло блестит, в небольшом бассейне пузыри, но не мешают рассматривать на дне мелкие монеты. Водоем огражден обычными камнями.

Сзади тяжелые шаги, я спросил, не оборачиваясь:

– Сэр Смит, это более позднее творение?

Он встал рядом, перекрестился с великим благоговением.

– Говорят, его тоже создал сам Симон Волхв. Или один из учеников. Это же Святой Источник!

– Ого, – сказал я, – значит, если побрызгать, сгинет любая нечисть?

– Да!

– А еще что можно?

– Ну, – ответил он в затруднении, – можно пить. Главное, Источник дает самую лучшую воду, какую возжелаете! Ну, если хотите, скажем, любой сок – пожалуйста! Только скажите, какой. Или хорошо представьте. Изволите свежий березовый среди лета или осени? Только молвите! Да что угодно, хоть даже масло... Нет, масло вроде бы не дает...

Я во все глаза рассматривал источник.

– И что же, вода станет такой, какую я пожелаю?

– Ну, – сказал он и тяжело вздохнул, – к сожалению, вода не может стать вином...

– Почему?

Он задумался, вздохнул.

– Наверное, Симон в тот день мучился похмельем. Иначе в первую очередь научил бы источник превращать воду в вино. Но, увы, так уж получилось.

– Или желудок больной, – предположил я.

Сэр Смит оскорбился:

– Больной желудок только вином и лечат! Вообще вином лечат все болезни!

– Да, – согласился я, – капля никотина убивает лошадь, а капля хорошего вина – и лошадь снова на ногах!

– Вот-вот, – поддержал сэр Смит. – Вино, если честно, даже лучше, чем женщины. Вино бьет только в голову, а женщина – куда попало.

Подожел брат Кадфаэль, лицо восторженное, еще раз пробормотал начальные слова молитвы, подставил ладони под струю. Мне показалась, что вода слегка изменила цвет. Кадфаэль напился, вознес хвалу Пречистой Деве. Сэр Смит, запинаясь, сказал несколько слов из

благодарственной молитвы. Вода полилась просто ледяная, я чувствовал ее холод, затем побежала струйка, исходя горячим паром, Смит на этот раз не подставлял ладони, только смотрел с интересом, экспериментирует, богохульник, я наконец подошел вплотную к барьерчику и проговорил медленно:

– А мне – дистиллированную.

Глава 11

Струя прервалась, несколько мгновений мы с ожиданием смотрели на блестящее мокрое отверстие в пасти льва. Сэр Смит разочарованно вздохнул, от такого странного заклятия ожидают невесть чего, и тут в глубине львиного естества зафыркало, заклокотало, послышались странные звуки, словно труба старается высморкаться. Пошла рваными толчками вода: желтая, дурно пахнущая, местами даже красная. Кадфаэль ахнул, я же узнал примесь ржавчины.

Пофыркав, струя выровнялась, выгнулась дугой и пошла с невиданным напором – искристая, веселая, звенящая. Мне почудилось, что весь лев задрожал от страсти, наконец-то получив долгожданный заказ.

Я осторожно подставил ладонь, вода прохладная, поднес к губам. Кадфаэль и сэр Смит смотрели, затаив дыхание, как я сделал осторожный глоток. Язык и нёбо ощутили знакомый привкус... вернее, отсутствие всякого привкуса, что воспринимается организмом тоже как сильный привкус.

Я допил из ладоней, эти оба смотрят во все глаза, то ли ждут, что превращусь в дракона, то ли вырасту вдвое, но ничего не происходило, послышались разочарованные вздохи.

Кадфаэль спросил осторожно:

– Сэр Ричард... вы получили?..

– Да, – ответил я. В моем голосе прозвучало изумление, оба снова уставились с новой надеждой. – Вот уж не думал...

– Это что, волшебный напиток?

– Основа, – ответил я, посмотрел на их серьезные лица, пояснил: – Основа для многих... волшебных напитков. Ладно, друзья, здесь нам не обломится. Пошли взад. Надо успеть зарегистрироваться для участия в турнире до начала свадьбы.

– А к святому Клименту? – напомнил Смит.

Я отмахнулся.

– Если успеем. К нему можно и в другой раз.

Яркий свет ослепил, мы вышли, шурясь, как братские народы, издали донеслись испуганные крики. Сэр Смит тут же ухватился за рукоять меча и воинственно шагнул в слепящий день, брат Кадфаэль забормотал молитву и отступил на шаг, я усиленно моргал, пока не разглядел, что народ вовсе не протестует, что мы в храм заходили с собакой, все выбегают на открытые места и с громкими воплями тычут пальцами вверх.

В небе плывет, почти не шевеля крыльями, исполинский, настолько исполинский, что таких просто не может быть, дракон... даже не дракон, просто это слово первым лезет услужливо, а нечто чудовищное, невозможное, чуждое этому миру, светящееся, как глубоководный червь, покрытое электрическими разрядами, рогатая голова в огнях святого Эльма. Пространство вокруг него ощутимо прогибается, близкое облачко мгновенно растаяло, а те, что подальше, начали быстро истончаться.

Существо слегка изменило угол наклона крыльев, теперь больше походит на исполинского ската, заряженного уже не электричеством, а термоядом, если не чем-то похуже. На темном теле выступы, именно они горят дьявольскими огнями, теперь вижу, что все тело окружено мелкой сеточкой электрических разрядов, то ли защита, то ли выброс лишней энергии.

Сэр Смит вскричал:

– Церебальд!.. Это же сам Церебальд!..

– Что за зверь? – спросил я пришибленно.

– Церебальд, – повторил Смит, как глухому. – Разве не слышали?.. Из очень уж дальних краев вас занесло, сэр Ричард!.. Я думал, что Церебальд в старину появлялся над всеми королевствами. А где не появлялся, там о нем все равно рассказывают...

Я следил за чудовищем, что заслонило треть неба, по размерам с Каталаун, такое не забудешь, плывет, как авианосец, совсем крыльями не двигает, будто не живое существо, спросил сдавленным голосом:

– Чем питается?

– Кто знает? – отмахнулся Смит. – Не людьми, понятно. Мы ему как муравьи медведю. Но вот что в небе – дурной знак. Он появляется только перед великими потрясениями.

Церебальд проплыл дальше, постепенно уменьшаясь в размерах. Я спросил, не отрывая от странного существа взгляда:

– Как собаки, что чувствуют землетрясение? Это понятно... А чего ждать: подвижки земной коры, пробуждения вулканов или приближения цунами?

Сэр Смит посмотрел на меня, как ребенок на тролля.

– Какие вулканы? Церебальд даже перед великими войнами не просыпается. Нечто небывалое грядет! Говорят, всегда перед Великими Войнами Магов вот так же...

Кто-то услышал, возразил:

– Не только! Перед тем как король Зекинг Яростный готовил войска к вторжению в Тоталию, Церебальд тоже пролетел в тех краях.

– И что? – спросил Кадфаэль сварливо. – Король вторгся, там разразилась такая война, что материк ушел под воду и был там неделю, а когда поднялся, уже ни короля с его войском, ни вообще людей, одни рыбы на улицах да чудища морские на крышах да на крестах церквей!.. А потом еще и зима, что длилась почти год...

Сэр Смит удрученно смотрел вслед исчезающему за горизонтом Церебальду. Я видел на его лице страстную надежду, чтобы Церебальд пролетел в покинутые им земли и там попорхал вволю, а здесь чтоб никаких в небе церебальдов, драконов, даже ворон проклятых, что научили вспылчивого дурака Каина, как убить камнем овечку Авеля.

– Где он живет? – спросил я. – На Юге?

– Говорят, – ответил сэр Смит, – нигде. В смысле, появляется вот так прямо из чистого неба... или из-за туч, неважно, полетает и так же пропадает. Нигде не садится. Нигде и никогда.

Кадфаэль сказал торопливо:

– Смотрите-смотрите!.. Из города уже идут.

Городские ворота распахнуты, как ставни, из-под арки вырвалась кавалькада блестящих всадников, все разодеты настолько празднично, что толпа обезумела от ликующих воплей, вверх полетели чепчики, шапки, шляпы. Показалась шестерка коней, запряженных попарно, тащат сверкающую золотом повозку. Следом отряд блистающих железом рыцарей, над головами гордо плывут штандарты, за рыцарями толпы празднично одетых вельмож, придворных...

Ожидающий народ с радостным ревом вбил нас снова вовнутрь, а не стоптали только благодаря Псу, которого остерегались толкать. Через четверть часа у дверей прозвучали трубы, послышались голоса. В церковь вошли в окружении блестящих рыцарей высокий мужчина с короткой седой бородкой и почти такая же рослая и крупная молодая девушка в прекрасном платье, что из-за обилия жемчуга, алмазов, изумрудов, рубинов и множества украшений из золота весит явно больше моих доспехов. На тщательно уложенных волосах изумительно дорогая корона, а что за хрустальные туфельки – не рассмотрел из-за длинного, волочащегося по полу платья, да и обращают ли внимание на такую херню мужчины?

Жениха и невесту подвели к алтарю, с той стороны встал архиепископ Кентерберийский. Рядом со мной сэр Смит привстает на цыпочки, стараясь рассмотреть будущую королеву. С внутренней стороны алтаря толпятся высшие чины церкви в красных, расшитых золотом робах и с белыми митрами над головами, архиепископ во главе. С другой стороны алтаря опустились на колени, являя смирение перед лицом святой Церкви, король Барбаросса и принцесса Алевтина, неподвижные, торжественные, неотрывно смотрят на архиепископа.

– Фердинанд Барбаросса Вексенский, согласен ли ты взять в жены принцессу Алевтину, дочь короля Джона Большие Сапоги?

Король ответил гулким довольным голосом:

– Согласен.

Архиепископ, на его рясе золота больше, чем красной материи, а митра опоясана толстым обручем золота, обратился к Алевтине:

– Принцесса Алевтина Фоссановская, согласна ли ты взять в мужа короля Барбароссу Вексенского?

Алевтина, юная и прекрасная, похожая на сверкающую во всей красоте и боевой мощи валькирию, смотрела прямо перед собой и... молчала.

На лице архиепископа проступило беспокойство, епископы потихоньку обменивались многозначительными взглядами. Король нахмурил брови, желваки вздулись, и в этот момент Алевтина внезапно улыбнулась и сказала чистым ясным голосом:

– Согласна. Конечно же – согласна!

Король нахмурился еще больше, мне показалось, сейчас покажет ей кулак, а она ему – язык. Архиепископ с облегчением перекрестил их и сказал:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа объявляю вас мужем и женой. Аминь.

Король и Алевтина поднялись, девушки подхватили подол Алевтины, хор громко возгласил «Доминус». Они вышли на помост, застеленный красным, на хорах красиво и возвышенно восклицали «Аллилуйя, аллилуйя...».

Епископы в праздничных пурпурных одеяниях тесной толпой величаво двинулись по узкому проходу между богато одетыми вельможами и знатными горожанами. И все время звучало красивое и торжественное «аллилуйя», а я шепнул сэру Смиту:

– Вы остаетесь, сэр?

– Что случилось? – спросил он испуганно.

– Я еще не прошел регистрацию, – сообщил я. – А социализм – это учет! В смысле, надо же подать заявку на участие в турнире. Диких, как я слышал, не допускают?

– Если уж совсем диких, – ответил он шепотом. – Эх, какое красивое венчание! Будет о чем рассказать. Пойдемте, я ведь тоже еще не сообщил о желании сбить кое с кого спесь, а заодно поживиться их конями, доспехами и кошельками.

Мне показалось, король заметил наш уход и метнул вдогонку злой взгляд. На улице палящее солнце, воздух сухой, с запахом железа и близкой крови. Пес обрадованно запрыгал вокруг, пугая горожан, я с трудом удержался от желания свистнуть Зайчику – прибудет через пару минут, но выбьет ворота конюшни, а то и проломит стену, пришлось топать в город, там оседлали коней, Пса оставил с Кадфаэлем, пусть совершенствуются в созерцании.

Третью встреченных, как и мы, верхом. Конным встретили и герольда, с ним два трубача, что время от времени без большой нужды выводят особо красивую мелодию – душа жаждет совершенства, а герольд привставал в стременах и кричал, что победитель турнира получит особый приз, который специально для турнира привезли с далекого Юга. Император Герман Третий прислал шлем дивной красоты: изготовлен горными гномами, украшен эльфами, а над переносицей рукой верховного мага Империи закреплен крупный алмаз, который ничем не извлечь. Этот шлем послужит пропуском на Юг в королевство Ягеллонию, где столица императора и резиденция. Если обладатель шлема захочет поступить на службу в императорскую охрану, алмаз от руки верховного мага удесятит силы обладателя шлема и даст ему дополнительную защиту.

Я слушал внимательно, пока вроде бы все сходится с тем, что сообщил Сатана. Подвоха пока незаметно. Даже как-то странно: все-таки первым об этом призе сообщил тот, кому верить просто не принято.

– А что, – спросил я с недоверием, – все так стремятся на Юг?

Сэр Смит сказал с завистью:

– Не в том дело, сэр Ричард. Император Герман – величайший из полководцев, при его дворе собраны лучшие воины мира. У него самый богатый и роскошный дворец, там живут сотни сильнейших магов, там поэты и музыканты, художники и скульпторы, но главное...

Он умолк, захлебнувшись словами, от избытка чувств прищипорил коня, но тут же натянул поводья: в такой сутолоке себе дороже будет пронестись во всю скачь. Я попытался представить, что же может быть еще главнее, но ничего, кроме бабс, на ум не шло, и я вернулся мыслями к золотому шлему.

Конечно, издавна все, кто считает себя воинами, стремятся попасть на службу к самому великому, самому могущественному, самому-самому. Потому германцы старались попасть на римскую службу, ибо римский император всегда был самым величайшим из вождей и раздавал отличившимся не жалкие трофеи, как местный вождь, а целые провинции и даже страны. Но если император, живущий далеко на Юге, приглашает ко двору лучших из лучших воинов Севера, то у меня в самом деле удобный шанс на льготный пропуск...

– Он ведет войны? – спросил я.

Сэр Смит добросовестно подумал, покачал головой.

– Не припоминаю. Разве что на границах... Да и то это так, местные стычки.

– Битву, – согласился я, – нередко выигрывает тот, кто в ней не участвует.

Сэр Смит взглянул негодуя.

– Как это? Разве само сражение уже не успех? В войне, сэр Ричард, главное – не побеждать, а участвовать. Так уж важно, какой король победит, если вера одна, язык один и все рыцари – одно сословие?... Мне совсем неважно, как будет называться та земля, на которой когда-то появится мое поместье. Я не стану ссориться с соседом только потому, что между нами вроде бы граница: его земли считаются за одним королевством, а мои – за другим. Эти границы все время меняются, меняются не нами, так что я буду с соседом сражаться, но не враждовать!

– Мудро, – согласился я. – Я уже вижу контуры объединенной Европы и призрак евро.

По дороге в город тянутся груженные телеги, но мы пустили коней в сторону временного города из богатейших шатров и бедных палаток, множества лавок, как собранных на земле, так и устроенных прямо на подводах и в повозках. Народу едва ли не больше, чем в городе, все блестит, сверкает, колышутся штандарты, трепещут знамена, со всех сторон радостные голоса, все дикарски радуются блеску и веселью грандиозного праздника.

Сэр Смит направил коня в сторону самого большого шатра, на ходу рассказывал, что из достойных претендовать на высокое место не прибыли только граф Корзен и барон Белер, их не отпустили со службы их сеньоры. Да еще лорд Агальрик занят войной с соседом и ни сам не прибудет, ни своих рыцарей не отпустит. Однако все остальные прославленные герои прибыли, встреченные восторженными криками простого народа, изумленно глазееущего на богатые доспехи, великолепных коней, пышные тюрбаны на блистающих шлемах.

Я вспомнил рассказ о турнире, где сражался сэр Уильям: «хорошо вооруженный, высокий, сильный и знатный. Он так бился среди отряда, что был подобен льву среди коров. Тому, на кого он обрушивал свой удар, не могли помочь ни оголовье, ни шлем...» Теперь, по обрывкам разговоров, точно так же дерется его сын, граф Коклекс, выделяясь в любом отряде и ростом, и статью, и чудовищно длинным мечом.

Перед шатром, к которому мы направились, за длинным столом расположились солидно выглядящие люди. К ним подходят другие люди и предъявляют какие-то бумаги, а потом тыкают шестами в развешанные щиты. Рыцарь обычно наблюдает со стороны, кто-нибудь из выглядящих попроще подбегает и что-то докладывает ему. Я понял, что это оруженосцы по желанию своего господина поясняют, с кем их хозяин изволит сразиться. Вернее, хотел бы

сразиться, ибо здесь, как я понял, герцог или князь может и не восхотеть сразиться с простым рыцарем, для этого нужны бумаги, подтверждающие баронство или графство.

Я присматривался к другим, чтобы собезьянничать, да не увидят, что для меня это первый турнир, в это время сэр Смит ахнул тихонько:

– Боже правый, да это же сам Уильям Маршалл!

Я огляделся по сторонам.

– Где?

– Да вон за столом!..

Во главе судейской коллегии, она же и приемная комиссия, как я определил, восседает крупный мужчина с лицом постаревшего льва: седая грива, могучие плечи, выпуклая грудь, на лице властность и умение повелевать. Врожденное или нет, судить не берусь, но повелевать этот человек может, достаточно услышать его львиный рык, увидеть гордую посадку головы и властные движения.

Я внимательно рассматривал этого самого знаменитого из турнирных бойцов, стараясь, чтобы он не заметил моего чересчур пристального внимания. Известно, что в юности Уильям надел плащ с крестом и отправился в крестовый поход освободить Гроб Господень. Он провел два года в непрерывных боях, именно там и получил ту закалку, которая позволила годы спустя выигрывать один турнир за другим. С чистым пылом юности он нес Слово Божье в нечестивые земли, заселенные диковинными народами. Под ударами меча падали чудовища, разбивались сундуки с драгоценностями, но он шагал по алмазам и золоту, презирая богатство, шел по слову церкви, искренне веря, что турниры – греховное деяние, а вот то, что делает он, – богоугодное...

И вот сейчас я смотрю на тучного седого человека с обрюзгшим лицом. Это одна из побед Юга: доказать, что своя рубашка ближе к телу, что на свете нет места благородству, а везде только экономика и власть того, что у всех нас ниже пояса.

Глава 12

В годы его юности крестовый поход еще служил главным свидетельством рыцарственности, а теперь крестовые походы хоть еще и не выставлены в смешном виде, то время еще придет, но уже выглядят незначительными, а вот турниры – да, турниры – вещь, а победа в турнирах – это вершина славы! Как, к примеру, Тайсон куда более овеян славой, чем Уильсон, создавший вакцину от полиомиелита, или Ковальский – сыворотку от рака. Кто помнит Знойко, удерживавшего горный перевал от двухсот талибов, получившего шесть ран, но не покинувшего пост? Но все помнят Кличко, которому разбили бровь в поединке за звание чемпиона мира и который получил за этот бой всего семь миллионов долларов, а если бы победил – то все тридцать. А сколько получил Знойко? Ему отказывались выплачивать даже пособие по ранению, а карточку ветерана так и не выдали, затеряли...

Так что разочарованность сэра Уильяма понятна, хотя, конечно, слишком быстро он разочаровался в рыцарских идеалах и слишком рано начал извлекать из турниров чистую наживу. Все-таки не все так быстро... сворачивают.

На меня начали обращать внимание. Торчу, как столб, на огромном, как гора, коне. Я соскочил на землю, не потрудившись даже забросить поводья на седло: приглашение отважному вору попытать счастья, тем самым внося свой вклад в борьбу с преступностью, заставил себя приблизиться к столу. Все трое вперили в меня взгляды, но я смотрел только на сэра Уильяма.

Он скользнул по мне безразличным взглядом.

– Кого представляете?

– Себя, – ответил я. – Простите, у меня нет оруженосца. Нет и слуг.

Оба по бокам этого главы приемной комиссии дружно поморщились при виде такой бедности, только сэр Уильям оставался спокойным, как слон под дождем.

– Безземельный?

– Не совсем, – ответил я. – У меня замки Амальфи, Амило и Верден со всеми принадлежащими им землями. Есть и свои вассалы. Но я изволю путешествовать налегке. Вот просто изволю!

Он внимательно посмотрел на меня, на моего коня. Мне показалось, что его взгляд чуть дольше задержался на белой отметине посреди лба. Хорошо, гемма растворилась бесследно, чего не скажешь о моем ноющем локте.

– Понимаю, – проронил он. – И быстро, верно?... У вас... хороший конь. Ваше имя, благородный рыцарь?

– Ричард Длинные Руки.

– Титул?

Я развел руками.

– Пока без титула. Ричард де ля Амальфи, по имени первого замка, который я приобрел.

За столом наконец и другие обратили на меня внимание, а сэр Уильям поинтересовался с затаенной усмешкой:

– Прежний хозяин уступил задешево?

– Всего за пару ударов меча, – ответил я любезно и холодно посмотрел на хихикающих присяжных. – Самая надежная плата.

Хихиканье смолкло, сэр Уильям усмехнулся, кивнул.

– Вы допущены до участия в турнире, сэр Ричард де ля Амальфи.

Я спросил, все еще не веря, что все так просто:

– А как же насчет двадцати справок о десяти поколениях предков, группе крови, квитанции об уплате за воду...

Твердые, как камень, губы турнирного бойца чуть раздвинулись в сдержанной усмешке.

– Сэр Ричард, это я решаю, кого допускать, а кого нет. Ваше благородное происхождение написано у вас на лице. Думаю, что и титул у вас есть, но если вы по каким-то причинам хотите его скрыть – ваше дело. С кем желаете сразиться?

Я развел руками.

– Никого не знаю, я вообще-то впервые на турнире, потому любезно оставляю выбор другим участникам. Повешу-ка я свой щит здесь вместе со всеми. Кто восхочет переломить со мной копье, вам скажет.

Его улыбка стала шире.

– Впервые на турнире? Ну-ну, так и запишем. Я тоже люблю неожиданности.

Я повесил свой щит скромно с краешку, за спиной слышал зычный голос сэра Смита, рыцарь-усач предпочел рассказывать о своем участие в битвах за Лепано и Куленго, и, когда я закончил устраивать щит, за спиной раздался мощный вздох облегчения: Смит все же боялся, что его могут не допустить до участия в схватках.

Мы уже входили в ворота постоянного двора, как вдруг раздалось испуганно-восторженные крики. Со стороны городских врат возник странный зеленый свет – чистый и ясный, но вместе с тем тревожный, заставляющий сердце сжиматься в предчувствии беды. Оттуда в нашу сторону неспешно едут на огромных боевых конях могучие рыцари. Они почему-то показались мне пришедшими из другого мира: в стальных панцирях искуснейшей выделки и голубоватого цвета, у всех с плеч красиво ложатся на конские крупы дорогие плащи, длинные копья чуть-чуть светятся синеватым огнем, особенно – наконечники, шлемы гладкие, без чеканки, но поднятые забрала говорят о необыкновенно искусной работе оружейников.

Среди зевак прокатился почтительный ропот:

– Глядите, на гербе... это что за девиз?

– Это какие-то дальние...

– Вот у того на щите написано «Ардр»... Это что?

– Какой Ардр!.. Где Ардр?

– Разуи глаза, вон у того толстого...

– Братцы, так это же... из-за самого Перевала!

По толпе прокатился изумленно-потрясенный вопль, многие из зевак покинули места и побежали по улице, прижимаясь к домам, глаза их жадно рассматривали всадников из этого неведомого мне, но известного кому-то в толпе Ардра.

Во главе отряда на рослом белом коне настоящая башня из литой стали – всадник, закованный настолько искусно с головы до ног в сверкающую сталь, что кажется отлитой из металла статуей, где ни щели, ни зазора. Забрало поднято, но тень падает на лицо, я рассмотрел только хищно блестящие, как у голодного орла, круглые глаза.

За этим всадником двое оруженосцев везут его щит и копье. Остальные рыцари следуют по двое сзади, потом оруженосцы, слуги, а в задних рядах, среди всевозможных помощников покачивается в седле на рослом упитанном муле человек в черном плаще с надвинутым на глаза капюшоном. Плащ ниспадает широкими складками, скрадывая фигуру, но я ощутил, что монах или священник очень худ, немошен телом, настоящий аскет. Странно, что не рядом с вожакom, а позади, намного позади, настолько, что вообще за оруженосцами, среди слуг. Но с другой стороны, если они из-за Перевала, то ведь на той стороне Юг. А если Юг такой, каким я себе представляю, то там все духовное, как говорят, в глубокой заднице. Уже то, что взяли с собой, хорошо.

Ворота постоянного двора распахнуты, навстречу выбежали слуги, хватали коней под узды.

Они проехали совсем близко. Я рассматривал, как и сэр Смит и остальные горожане, блистательных всадников, как вдруг нечто холодное и мокрое коснулось кожи. Я невольно

скосил глаза на обнаженные руки, волосы поднялись дыбом, а кожа покрылась пупырышками. Душа замерла, даже зубы заныли, захотелось нагнуться и спрятаться в какую-нибудь норку.

От неожиданности или от страха напрягся, выискивая источник опасности. И тут словно в помощь к тепловому зрению подключилось еще какое-то чувство, шестое или десятое: всадников увидел резче, четче, рельефнее. А снова холодок вгрызся во внутренности: вокруг одного из них колыхнется воздух, как над перегретым куском металла, и воздух этот темный, сгущенный. И форма у этих темных струй воздуха словно два призрачных крыла нетопыря.

Они проехали, я с бешено колотящимся сердцем смотрел вслед, уже вычленив, что такие незримые для остальных крылья только над самым скромным всадником: монахом на муле. Все остальные ничем не отличаются ни друг от друга, ни от зевак по обе стороны улицы.

Головной всадник легко, несмотря на рост и вес, соскочил на землю, снял шлем и передал подбежавшему оруженосцу, медленно обернулся назад. Запавшие глаза, словно ощутив нечто, сразу метнули взгляд на толпу. Пару мгновений я рассматривал его, он меня: немолод, суровое мужественное лицо с тяжелой нижней челюстью, глубокие складки у рта и на обеих щеках, седеющие волосы, на вид лет сорок, матерый волк. Он и сейчас водит отряды не потому, что знатен, а потому, что сильнее всех...

– Его светлость герцог Валленштейн, – сказал оруженосец хозяину, – изволил заказывать комнаты.

– Да-да, – ответил хозяин, низко кланяясь, – все готово. Для его светлости и благородных рыцарей самые лучшие апартаменты.

– И комнаты для оруженосцев, – напомнил оруженосец.

Хозяин кивнул.

– Тоже готовы. А для ваших слуг...

– Поживут в хлеву, – перебил оруженосец. – Как и все слуги.

Пока они беседовали во дворе, сэр Смит взял под уздцы наших коней и увел в конюшню. Я взошел на крыльцо, и в это время герцог тоже вступил на первую ступеньку. Наши взгляды снова скрестились, словно стальные клинки. От него распространяется аура силы и властности, но я сделал шаг в сторону из учтивости и вежливости младшего по возрасту перед старшим, а так, похоже, мы оба инстинктивно невзлюбили друг друга, как всякие самцы, претендующие на вождизм в своем стаде баранов.

Он прошел рядом, что дало мне возможность сравнить наш рост, он всего на пару пальцев ниже, так что можно считать герцога уже почти великаном. Он тоже заметил, что я выше, и огонек вражды в глазах разгорелся в пламя. С возрастом хрящи спрессовываются, усыхают, так что в мои годы он был бы мне вровень, что вообще-то редкость и почти автоматом выводит любого мужчину в ряды первых воинов.

За герцогом в здание ввалились рыцари, оруженосцы. Слуги остались внизу, их накормят прямо из поварни, на заднем дворе уже расставлены столы и лавки, а я, поколебавшись, повернулся и пошел наверх в свою нехорошую комнату. Зайти в харчевню вслед за герцогом, – это наверняка вскоре нарваться на ссору, очень уж мы не понравились друг другу.

Появился сэр Смит, расстроенный и даже разозленный таким великолепием и быющим в глаза ощущением силы.

– Черт бы их побрал, – проворчал он, – а для них откуда комнаты?

Я буркнул:

– Видать, забронировал.

Он подошел к окну и рассматривал оставшихся во дворе, что все еще о чем-то спорили, выясняли, торговались. Слышно было, как один из рыцарей, что прибыл задолго до рыцарей Юга, возмущался, что чужакам дали лучшие комнаты, а для него вообще ничего не нашлось. Оруженосец южан ответил вежливо:

– Для герцога и его отряда комнаты оплачены еще месяц назад.

Рыцарь фыркнул.

– Подумаешь! Если бы я знал, что есть свободные, заставил бы открыть. Я рыцарь, черт побери!

Оруженосец ответил с затаенной насмешкой:

– И даже короля Барбароссу не уstraшились бы? Герцог прибыл по его приглашению. На свадьбу, а заодно и до турнира снизойдет... может быть.

Устроившись в гостинице и разложив вещи, рыцари Юга выходили по одному и группами во двор, смотрели, как устроены их кони, дивные животные. Я не знаток коней, но когда такая разница, любой заметит. Южане мылись прямо у колодца, сверкая под солнцем крепкими мускулистыми телами без намека на жир или дурное мясо.

Я всматривался жадно, чувствуя понятную тоску под ложечкой. Южане как горошины из одного стручка: рослые, широкие в плечах, в прекрасно подогнанных доспехах, веселые и жизнерадостные. На всех остальных посматривают с тщательно скрываемым превосходством, как смотрели бы на местных аборигенов высадившиеся на их острова мореплаватели Кука.

Глядя на них, блестящих, улыбающихся, я впервые ощутил, что мои доспехи забрызганы грязью после недавнего короткого дождика, рубашка пропахла потом, а от сэра Смита и других местных рыцарей вообще несет, как от взмыленных коней. К этому запаху настолько привык, что он уже перестал восприниматься, и только вот эти, чистенькие настолько, словно нашампуненные, заставили посмотреть другими глазами...

И все-таки они чем-то раздражают. Сперва доказывал себе, что во мне просто вопит зависть бедного к богатым, потом сообразил, что в их лицах, разговорах и манерах раздражает именно постоянное подчеркивание превосходства. К тому же держатся так, словно прибыли на веселый карнавал. Для большинства рыцарей турнир – возможность показать удаль, для сэра Смита – возможность поправить финансы, для архиепископа – шанс поставить земли Каталана под контроль церкви, а для этих южан – всего лишь маски-шоу, реконструкция, так сказать, исторических событий... Прибыли подурачиться в отпуск. А вообще-то они, мол, строят железные дороги, создают ветвистую пшеницу, выращивают бесхвостых мышей, программируют на бэйсике...

Сердце защемило, прямо сейчас бы на Юг, но, если верить Кадфаэлю и всем, кто знает проблему, на Юг так просто не пройти, если нет пропуска или какой-то особой метки. Юг ревниво оберегает свои тайны, а в гастарбайтерах не нуждается.

Глава 13

К вечеру мы, здорово проголодавшись, спустились в нижний зал. Сэр Смит сразу же заворчал, усы воинственно растараканились. За дальними столами, сдвинув, расположились рыцари Юга. Столы ломятся от еды и вина, однако рыцари, как я отметил сразу, как будто бы собрались пообщаться, давно не виделись: за соседними столами жрут, насыщаются, хватают мясо руками и жадно пихают в пасти, чавкают и рыгают, с хрустом разгрызают кости или же с грохотом выколачивают о стол мозговые кости, а эти беседуют и обмениваются шутками, а заодно небрежненько так это режут мясо на тонкие ломтики, изящно отправляют в пасти. Причем ломтики настолько крохотные, что не только не выпячиваются изо рта безобразными выпуклостями, но даже не мешают беседе.

Вином запивают тоже деликатно, небольшими глотками. Никто не расплескивает вино по столу, не лакает, аки нормальный мужчина, то есть – так, что льется из кувшина по губам на грудь. Да никто, кстати, не пьет из кувшинов, все догадываются, зачем существуют кубки.

Герцог во главе стола, и хотя его стул ничуть не выше остальных, но сам герцог явно возвышается над соратниками. К нему относятся уважительно, всякий раз умолкают, едва он заговорит, однако чувствуется, что он для них в первую очередь – старший друг, а не сюзерен.

– Черт бы их побрал, – проворчал Смит, – в Каталауне с десятков харчевен! Через дорогу таверна куда богаче... Могли бы и там!

– Да ладно, – сказал я, – будь добрее.

– Добрее?

– Ну тогда копи злость, – посоветовал я.

– Это уже лучше, – проворчал он.

Мы отыскиали место за столом, где пировали трое рыцарей из соседнего королевства, все усталые, раздраженные и голодные, как стая волков. Под их натиском мясо в тарелках исчезало, едва успев появиться, собаки под столом вовсю хрустели костями, и, лишь утолив первый голод, они начали переговариваться, я не прислушивался, но первые же слова заставили насторожиться:

– Прибыли купцы с южных земель... ну, не из самых что ни есть, туда доступ закрыт вовсе, но из весьма населенных королевств. И вести оттуда принесли весьма неприятные. Есть такое королевство Зеловия, крохотное и почти без армии, правит им королева Виганда. Она никому не представляет угрозы, но оказалась достаточно умной женщиной, чтобы не пытаться искать защиты у одного из королей, как поступила бы любая другая...

Второй спросил нетерпеливо:

– И что она сделала?

– Виганда попросила защиты сразу у всех, – ответил первый со смехом. – И все, опасаясь друг друга, дали дружную клятву, что если кто-то из них посмеет посягнуть на ее королевство, то остальные сомнут наглеца и разнесут его королевство вдреизг. Так вот, я отвлекся, ее королевский дворец стал местом встреч. Сам понимаешь, никто не хочет урона своему престижу, ехать в замок соперника, а встречаться для долгих переговоров в чистом поле – дурость. Любой ливень может все испортить. Так вот в ее замок прибыли короли семи земель, долго вырабатывали план и решились составить совместное войско для наступления на Север.

– Ого!

– Возможно, они уже в пути. Или седлают коней.

Помолчали, торопливо разливая по кубкам вино, а первый, который наливал, не удержался и присосался к кувшину. У него начали отнимать со смехом, в котором сквозило раздражение, вспыхнула ссора, дальше я не прислушивался, хотя они на другом конце стола, поду-

мал, что Юг все-таки не отказался от планов подчинить себе земли Севера. Пусть семь королей – еще не весь Юг, но все-таки война близко...

Я поймал за полу пробегающего слугу, заказал птицу, лучше – гуся с яблоками, перепелок с тертыми орехами и рыбу. Смит обратил мое внимание, что рыбу никто не ест, вчера в постный день всем опротивела, но я ответил, что мы, как добрые христиане, все равно будем есть рыбу, ведь Христос ел рыбу и других кормил в какой-то там пустыне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.